K11 10/67

К II 10/67

В. ЧЕРНЫШЕВЪ.

ЗАБЫТЫЕ ТРУДЫ

К. Д. УШИНСКАГО.

Цѣна 20 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1907.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

ШКОЛЬНИКЪ.

УЧЕБНАЯ РУССКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ.

Курсъ 3-го и 4-го года обученія.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЕ ВЗГЛЯДЫ

А. Н. РАДИЩЕВА.

К II 67

В. ЧЕРНЫШЕВЪ.

ЗАБЫТЫЕ ТРУДЫ

К. Д. УШИНСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1907.

152/7

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1906 г.

Гос. Историч. Музей. Б-ка
№ 364727
193

ЗАБЫТЫЕ ТРУДЫ К. Д. УШИНСКАГО.

Говорить о „забытыхъ трудахъ“ незабвеннаго русскаго педагога заставляетъ недавно явившееся: „Собраніе педагогическихъ сочиненій Константина Дмитріевича Ушинскаго“. 2-е изданіе. С.-Пб. 1905. Стр. IV + 380. Цѣна 1 р. 50 к. Это второе изданіе собранія сочиненій К. Д. Ушинскаго въ содержаніи ничѣмъ не отличается отъ перваго, вышедшаго въ 1875 году. Въ немъ только не перепечатано предисловіе перваго изданія. Но это предисловіе и неудобно было бы перепечатать, такъ какъ въ немъ находится слѣдующее заявленіе: „Къ сожалѣнію, настоящее „Собраніе сочиненій К. Д. Ушинскаго“ *далеко не полно* (курсивъ нашъ), такъ какъ въ него не вошли различныя

Государственная публичная историческая библиотека РСФСР

ПАСПОРТ				КНИГА ИМЕЕТ:						
Шифр	Инвентарный №	№ тома	Список № порядковый №	Количество страниц	Отд. томов, вып. №№	Таблиц, карт, иллюстраций	Особые ценности: рукопись, автограф, письмо и т. п.	Дефекты	Печатных листов	Обрез
К1/10/67	364727		152/1	36			3			

[1]) Впрочемъ, объ этой неполнотѣ собранія сочиненій Ушинскаго такъ основательно забыли, что даже одинъ его біографъ заявлялъ, что „всѣ“ его сочиненія изданы въ отдѣльномъ томѣ.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1906 г.

ЗАБЫТЫЕ ТРУДЫ К. Д. УШИНСКАГО.

Говорить о „забытыхъ трудахъ“ незабвеннаго русскаго педагога заставляетъ недавно явившееся: „Собраніе педагогическихъ сочиненій Константина Дмитріевича Ушинскаго“. 2-е изданіе. С.-Пб. 1905. Стр. IV + 380. Цѣна 1 р. 50 к. Это второе изданіе собранія сочиненій К. Д. Ушинскаго въ содержаніи ничѣмъ не отличается отъ перваго, вышедшаго въ 1875 году. Въ немъ только не перепечатано предисловіе перваго изданія. Но это предисловіе и неудобно было бы перепечатать, такъ какъ въ немъ находится слѣдующее заявленіе: „Къ сожалѣнію, настоящее „Собраніе сочиненій К. Д. Ушинскаго“ *далеко не полно* (курсивъ нашъ), такъ какъ въ него не вошли различныя замѣтки, помѣщенныя по большой части безъ подписи автора, въ газетахъ. Откладывать же самое изданіе за отыскиваніемъ ихъ значило бы не удовлетворить самой насущной потребности въ подобномъ изданіи нашего первокласснаго и незабвеннаго педагога, которая давно уже ощущается въ нашемъ педагогическомъ мірѣ“ [1]).

Если мы обратимъ вниманіе на то, что со дня кончины К. Д. Ушинскаго до выпуска въ свѣтъ перваго изданія его педагогическихъ сочиненій прошло около пяти лѣтъ, что въ обстоятельномъ некрологѣ К. Д. Ушинскаго, написанномъ Ю. Рехневскимъ, появившемся въ 1871 году (Вѣстникъ Европы № 2), подробно перечислены педагогическіе и другіе труды покойнаго, то и тогда оправдать неполноту этого собранія статей нашего педагога одной поспѣшностью, съ которой онѣ изданы, не слишкомъ легко. Теперь же никто и не рѣшится взяться за неблагодарный трудъ оправдывать издателей его сочиненій въ томъ недостаткѣ, который они сознавали болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ,

[1]) Впрочемъ, объ этой неполнотѣ собранія сочиненій Ушинскаго такъ основательно забыли, что даже одинъ его біографъ заявлялъ, что „всѣ“ его сочиненія изданы въ отдѣльномъ томѣ.

но не исправили и теперь. 30 лѣтъ, кажется, достаточный срокъ, чтобы приготовить изданіе болѣе достойное памяти первокласснаго педагога и болѣе отвѣчающее потребностямъ образованныхъ читателей нашего времени.

Это первый, но не единственный упрекъ издателямъ сочиненій К. Д. Ушинскаго.

По образованію и таланту К. Д. Ушинскій на столько крупный педагогическій писатель, что для всякаго интересующагося школой и воспитаніемъ человѣка является чрезвычайно любопытнымъ и поучительнымъ все, что онъ писалъ, независимо оттого: печаталось ли написанное и даже назначалось ли оно для печати. Отъ обладателей и хранителей бумагъ покойнаго К. Д. Ушинскаго русское общество въ правѣ было бы ожидать изданія всего того, что послѣ него осталось. Это общество такъ высоко оцѣнило педагогическіе труды Ушинскаго, обнаружило такой необыкновенный спросъ на нихъ, дало такой небывалый матеріальный успѣхъ его изданіямъ, что названнаго нами права трудно не признавать, также какъ трудно сомнѣваться въ бо́льшемъ интересѣ и бо́льшемъ успѣхѣ „полнаго“ собранія педагогическихъ сочиненій К. Д. Ушинскаго.

Наконецъ, было бы крайне желательно, лучше сказать, необходимо изданіе переписки Ушинскаго. Она дастъ лучшій матеріалъ для полной и точной его біографіи. Она же, въ частности, можетъ открыть намъ и неизвѣстныя до сихъ поръ его статьи и замѣтки. Объ Ушинскомъ есть теплыя воспоминанія, талантливые очерки жизни и дѣятельности, но обстоятельной біографіи его, можно сказать, нѣтъ. И причина этого понятна. Жизнеописатель Ушинскаго пока ничего и не можетъ предложить читателю, кромѣ краткаго очерка. Лучшій біографъ покойнаго долженъ былъ замѣтить, что въ его время „невозможно было собрать матеріалъ, необходимый для полной біографіи“. „Покойный“, продолжаетъ тотъ же біографъ, „велъ довольно дѣятельную переписку съ нѣкоторыми иностранными и русскими педагогами — переписку, имѣющую общій интересъ; но гдѣ было найти всѣхъ этихъ лицъ и какъ получить отъ нихъ письма Константина Дмитріевича? Намъ извѣстно также, что послѣ покойнаго осталось много рукописей, набранныхъ въ корректурѣ листовъ, писемъ, записокъ и проч.; но все это еще не собрано и не разработано“ (*А. Фроловъ.* К. Д. Ушинскій. Краткій біографическій очеркъ. С.-Пб. 1881. Стр. 2).

М. Л. Песковскій, въ книгѣ „Баронъ Н. А. Корфъ въ письмахъ

къ нему разныхъ лицъ" (С.-Пб. 1895. Стр. 85—86) сообщаетъ сенсаціонное извѣстіе, что всѣ рукописи Ушинскаго сожжены однимъ его завистливымъ родственникомъ. Къ сожалѣнію, при этомъ не дается указанія, когда могло произойти подобное аутодафе? Сообщенію этому нелегко повѣрить. Въ 1881 году біографъ Ушинскаго Фролковъ еще пользовался его бумагами и письмами, а это было болѣе 10 лѣтъ послѣ смерти Ушинскаго.

Авторъ названной біографіи, лично знавшій Ушинскаго (онъ былъ учителемъ его двухъ младшихъ дѣтей), близкій поэтому болѣе или менѣе къ его семьѣ, имѣлъ возможность пользоваться его рукописями и даетъ въ разныхъ мѣстахъ своей книги любопытныя для насъ указанія о литературномъ наслѣдствѣ Ушинскаго. Со страницы 7-ой онъ, напримѣръ, начинаетъ большую выписку изъ ненапечатанной автобіографической записки Ушинскаго объ его ученьѣ въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи. На стр. 34-ой, передавая, что Ушинскій много разъ передѣлывалъ и исправлялъ свои рукописи и корректуры, г. Фролковъ указываетъ, что иногда, долго продержавъ корректуру статьи на своемъ рабочемъ столѣ, покойный педагогъ въ концѣ концовъ рѣшалъ вовсе не пускать статью въ печать.

Не разъ г. Фролковъ дѣлаетъ интересныя извлеченія изъ писемъ Ушинскаго. Называетъ онъ и нѣкоторые не напечатанные его труды, указываетъ въ концѣ книги, въ особомъ спискѣ, сочиненія К. Д. Ушинскаго, разбросанныя по журналамъ и газетамъ. Хотя этотъ списокъ и не абсолютно полонъ, но издатели только что вышедшаго собранія сочиненій не воспользовались даже указаніями г. Фролкова, назвавшаго нѣсколько педагогическихъ статей Ушинскаго, не помѣщенныхъ въ изданіи 1875 года.

Цѣль настоящей статьи познакомить читателей съ слишкомъ рано забытыми трудами нашего знаменитаго педагога. Эти труды, оставшись не перепечатанными въ его сочиненіяхъ, оказываются совершенно недоступными той большой части русской публики, которая читаетъ и любитъ автора „Родного слова". Кто же въ самомъ дѣлѣ, кромѣ жителей столицъ, можетъ разыскать первые тома „Журнала для воспитанія" (1857 и 1858 годы) или газеты 50-хъ и 60-хъ годовъ? Кто имѣетъ возможность рыться въ старыхъ и новыхъ книгахъ, въ которыхъ можно найти воспоминанія, некрологи, біографіи К. Д. Ушинскаго и другія книги, чтобы изъ нихъ выудить указанія на не перепечатанныя его статьи?

Даже и для того, кто имѣетъ возможность разыскивать статьи

Ушинскаго, это дѣло можетъ явиться безплоднымъ трудомъ. Нужно знать многія интимныя стороны литературной дѣятельности писателя, чтобы умѣть опредѣлить его неподписанныя статьи. Это возможно только при продолжительномъ и точномъ изученіи не только всего напечатаннаго о данномъ авторѣ, но и всѣхъ его сохранившихся бумагъ. Иначе, какъ найти, напримѣръ, псевдонимную статью? Нѣкоторыя неподписанныя статьи „Журнала для воспитанія“ или „Голоса“ напоминаютъ намъ Ушинскаго по содержанію и слогу, но какъ мы докажемъ ихъ принадлежность ему? — Авторъ статей знаетъ англійскую педагогическую литературу, знаетъ европейскую школу, но развѣ такихъ знаній вовсе никто не имѣлъ изъ сотрудниковъ данныхъ изданій? Рискованно пускаться въ догадки, когда нѣтъ возможности примирить даже ясныхъ фактическихъ показаній. Біографы Ушинскаго говорятъ, что онъ принималъ дѣятельное участіе въ „Голосѣ“, а въ изданномъ редакціею „Голоса“ спискѣ статей и сотрудниковъ, относящемся ко времени Ушинскаго, онъ даже и не значится въ числѣ послѣднихъ. Имѣется нѣсколько прямыхъ и косвенныхъ указаній на то, что первая статья Ушинскаго по педагогикѣ: „Объ американскомъ воспитаніи“, переводъ изъ англійскаго журнала Athenaeum—находится въ „Библіотекѣ для чтенія“. Біографы, основываясь на показаніяхъ бывшаго редактора „Библіотеки для чтенія“ Старчевскаго, придаютъ большое значеніе знакомству Ушинскаго съ названнымъ журналомъ. Чтеніе „Athenaeum'a“ произвело въ немъ будто бы крутой поворотъ на путь педагогическаго писателя [1]). Но въ „Библіотекѣ для чтенія“ за 55 и 56 годы, когда бы должна быть напечатана подобная работа, мы совсѣмъ не находимъ подходящихъ заглавій статей. Если бы искомая статья и не была особенно содержательна, то все же она имѣла бы цѣну какъ первый печатный педагогическій трудъ Ушинскаго, который уже съ слѣдующаго 1857 года выступаетъ въ педагогической литературѣ рядомъ замѣчательныхъ статей.

Разысканія все-таки убѣдили насъ, что хотя и трудно, но, вѣроятно, возможно найти и еще кое-что изъ написаннаго Ушинскимъ, даже не пользуясь его бумагами [2]). Мы ограничиваемся тѣмъ, что было

---

[1]) До этого времени Ушинскій занимался переводами, писалъ журнальныя статьи, чаще всего по географіи, фельетоны и др.

[2]) Напримѣръ, мы можемъ указать еще составленныя Ушинскимъ программы *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* на вторую половину 1860 года и 1861 годъ. Въ послѣдней обѣщается обратить особое вниманіе на вопросы объ

возможно сдѣлать на первыхъ порахъ изученія источниковъ, касающихся жизни и трудовъ нашего педагога. При этомъ мы будемъ говорить только о педагогическихъ трудахъ, несомнѣнно принадлежащихъ ему. Статьи по другимъ вопросамъ, въ томъ числѣ и по психологіи, оставимъ въ сторонѣ.

Прежде всего коротко упомянемъ тѣ извѣстныя намъ статьи Ушинскаго, которыя совсѣмъ не появились въ печати. Затѣмъ перейдемъ къ напечатаннымъ статьямъ, не вошедшимъ въ собраніе сочиненій. Послѣднія расположимъ въ естественномъ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія.

Автобіографическая записка объ ученьѣ въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи. (Не напечатана. Извлеченія у Фролкова. См. выше). Даетъ прекрасную характеристику ученья, товарищеской жизни, симпатичной личности директора гимназіи. Говоритъ о благотворномъ вліяніи на учащихся науки, природы, свободы. Ушинскій дѣлаетъ нѣсколько нападеній на воспитаніе чиновничье, создающее бездушныхъ карьеристовъ, на опеку и поощреніе, которыя уничтожаютъ самостоятельность мысли и любовь къ наукѣ, на надзоръ и формальныя требованія, наводящія тоску на дѣтскую душу.

Педагогика, какъ искусство. (Не напечатано. Это рефератъ, прочитанный Ушинскимъ въ С.-Петербургскомъ педагогическомъ собраніи въ 1864 году. См. „Обзоръ дѣятельности Петербургскаго педагогическаго собранія съ 1859 по 1867 годъ“, составленный Ѳ. Н. Мѣдниковымъ и М. И. Семевскимъ въ „Лѣтописи С. педагог. общества“ 1869 года, приложенной къ журналу „Народная школа“ 1869 года, № 9. См. также Фролковъ, стр. 44). Рефератъ этотъ, по замѣчанію Фролкова, „произвелъ не малую тревогу среди нѣкоторыхъ членовъ общества“. Они не ожидали, что Ушинскій признаетъ педагогику не наукой, но лишь искусствомъ, примѣненіемъ данныхъ науки къ практической дѣятельности. Объ этомъ рефератѣ и о произведенномъ имъ сильномъ впечатлѣніи упоминаетъ и Рехневскій. (Вѣст. Евр. 1871, № 2).

Записка, составленная К. Д. Ушинскимъ для покойной государыни Маріи Александровны о характерѣ воспитанія наслѣдника русскаго престола. (Не напечатана. Фролковъ, стр. 38). Свои взгляды по данному вопросу Ушинскій изложилъ въ 4-хъ письмахъ. Обращая вни-

---

устройствѣ народныхъ школъ и школъ грамотности и объ учительскихъ семинаріяхъ. Въ числѣ предполагаемыхъ къ печатанію статей названа: „Письма о воспитаніи“, *К. Ушинскаго.*

маніе на переходное, формирующееся состояніе русскаго общества, Ушинскій указывалъ, что такое общество самое опасное для правительства. Чтобы хорошо управлять имъ, воспитаніе должно приготовить въ государѣ человѣка, имѣющаго христіанскія чувства, европейское образованіе и любовь къ родинѣ.

Переходомъ отъ сочиненій написанныхъ, но не явившихся въ печати, къ сочиненіямъ напечатаннымъ могли бы служить труды Ушинскаго, начатые печатаніемъ, но не вышедшіе въ свѣтъ.

Мы можемъ сказать нѣсколько словъ, достойныхъ, впрочемъ, большого вниманія, лишь объ одномъ такомъ трудѣ.

Въ некрологическомъ очеркѣ жизни и литературной дѣятельности К. Д. Ушинскаго, написанномъ Ю. С. Рехневскимъ, мы имѣемъ очень любопытное указаніе, что не задолго передъ смертью нашимъ педагогомъ начато печатаніе третьей части его антропологіи, но кончина Ушинскаго прервала это дѣло. Вотъ буквальныя слова Рехневскаго: „Большая часть этого послѣдняго (третьяго) тома, сколько намъ извѣстно, была уже напечатана, но смерть автора помѣшала его изданію“ (Вѣстникъ Европы 1871 года, № 2, стр. 900). Отъ самого Ушинскаго мы знаемъ, что въ этомъ томѣ онъ хотѣлъ изложить „въ системѣ, удобной для обозрѣнія, тѣ педагогическія мѣры, правила и наставленія“, которыя вытекаютъ изъ разсмотрѣнныхъ имъ явленій человѣческаго организма и человѣческой души. Въ этой части своей педагогической антропологіи Ушинскій обѣщался быть краткимъ, находя, что выясненные факты и законы тѣлесной и духовной жизни сами собою подсказываютъ разумному педагогу, какъ вести дѣло. (См. *Человѣкъ какъ предметъ воспитанія*. Т. I. С.-Пб. 1901. Стр. XXXVIII).

Итакъ, мы могли бы имѣть 35 лѣтъ тому назадъ *краткій курсъ практической педагогики*, принадлежащій перу Ушинскаго.

Большая часть этого курса была редактирована и одобрена для печатанія имъ самимъ. Остальное могло бы быть напечатано по оставшейся рукописи. Вѣдь, трудно предположить, что Ушинскій, такой тщательный въ своихъ литературныхъ трудахъ, началъ печатать работу, не написавши ея. Его біографы говорятъ, что онъ не спѣшилъ съ печатаніемъ и любилъ отдѣлывать свои труды. Въ крайнемъ случаѣ было бы интересно и не оконченное подобное произведеніе Ушинскаго; но гдѣ же оно и почему его до сихъ поръ можно считать канувшимъ въ воду?

Три элемента школы. (Напечатана въ „Журналѣ для воспитанія“

1857 года, т. I. Подписана псевдонимомъ: „Виссаріонъ Жуковъ“. Въ концѣ статьи помѣтка: „Москва 1857 г.“. На принадлежность статьи Ушинскому указываютъ Рехневскій, Фролковъ, Песковскій, Семеновъ, Чумиковъ. Рехневскій замѣчаетъ еще, что были какія-то причины, по которымъ Ушинскому нужно было не подписывать подъ этой статьей своего имени).

Три элемента, изъ которыхъ слагается дѣятельность всякаго учебнаго заведенія, Ушинскій видитъ въ существующемъ въ немъ управленіи, воспитаніи и ученьи. Выразителями этихъ элементовъ являются начальники школы, воспитатели и учителя.

Строй школы, успѣхъ, съ которымъ она достигаетъ своихъ цѣлей, вліяніе ея на учащихся въ ней опредѣляются силой и взаимнымъ отношеніемъ трехъ названныхъ элементовъ. Комбинація этихъ элементовъ, на которую теоретики воспитанія обращали еще мало вниманія, по мнѣнію Ушинскаго, является „однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ въ дѣлѣ общественнаго воспитанія“.

Въ данной статьѣ онъ беретъ примѣры этихъ комбинацій въ учебныхъ заведеніяхъ Англіи, Германіи и Франціи.

Англійская школа даетъ образцы тѣснаго соединенія административнаго, учебнаго и воспитательнаго элементовъ. Таковы англійскія старинныя закрытыя училища (интернаты), академіи и институты, въ которыхъ воспитанники не только учатся, но живутъ и дѣйствительно воспитываются.

Въ нихъ начальникъ, обыкновенно, въ то же время—главный учитель и главный воспитатель школы. Отъ хозяйственной части онъ устраненъ дѣятельностью особыхъ комитетовъ, состоящихъ изъ попечителей школы, и это служитъ только къ увеличенію его воспитательнаго вліянія. Въ низшихъ и среднихъ классахъ должность учителя также, по большей части, соединяется съ должностью воспитателя. Преподаватели живутъ въ учебномъ заведеніи вмѣстѣ съ воспитанниками, помогаютъ имъ приготовлять уроки, наблюдаютъ за ихъ поведеніемъ и развитіемъ. Уставы нѣкоторыхъ англійскихъ интернатовъ, обязывая учителей жить вмѣстѣ съ воспитанниками, требуютъ даже, чтобы они отказались отъ семейной жизни. Таковы, напримѣръ, правила Оксфордскихъ коллегій — пережитокъ изъ періода древнихъ католическихъ университетовъ. Такія же требованія—чтобы учитель былъ холостъ—существуютъ въ интернатахъ Бельгіи и Голландіи.

Соединеніе всѣхъ воспитательныхъ средствъ въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ имѣетъ два слѣдствія: 1) оно ставитъ всю судьбу школы

въ зависимость отъ лица, направляющаго ее во всѣхъ отношеніяхъ, 2) воспитательная сила школы необыкновенно возрастаетъ. Поэтому Англія даетъ примѣры такихъ педагоговъ, управляющихъ школами, которые пользуются величайшимъ уваженіемъ и любовью воспитанниковъ и въ школѣ и по окончаніи курса; дѣятельность подобныхъ наставниковъ становится примѣромъ для воспитывающихся на всю жизнь. Поэтому англійскіе „воспитанники Оксфорда, Кембриджа, Вестминстера, Рюгби и пр. до глубокой старости сохраняютъ въ душѣ и характерѣ живые слѣды своего воспитанія".

По организаціи школы, по силѣ воспитательнаго вліянія, Ушинскій находитъ возможнымъ сравнить описываемыя англійскія школы съ іезуитскими коллегіями, блестящую характеристику которыхъ онъ и даетъ на 3—4 страничкахъ. Вниманіе педагога іезуитская школа привлекаетъ, конечно, не характеромъ воспитанія, которое въ ней давалось, но замѣчательнымъ педагогическимъ искусствомъ отцовъ іезуитовъ, необыкновеннымъ знаніемъ воспитательныхъ средствъ и умѣньемъ примѣнять ихъ для своихъ цѣлей.

Въ англійской школѣ стараго типа Ушинскій видитъ сохраненіе той воспитательной силы, которая такъ замѣчательно дѣйствовала въ іезуитскихъ коллегіяхъ. Воспитательная сила ихъ обусловливалась полнымъ соединеніемъ элементовъ, дѣйствующихъ на воспитанниковъ, и преобладаніемъ среди этихъ элементовъ воспитанія. Разница іезуитской и англійской школы только въ цѣляхъ и средствахъ. Въ то время, какъ первая воспитываетъ искуснаго и послушнаго слугу своего ордена и не брезгаетъ безнравственными средствами, вторая стремится къ осуществленію въ своемъ воспитанникѣ народнаго идеала образованнаго джентльмена, при чемъ не является никакой нужды прибѣгать къ средствамъ, противнымъ нравственности. Подслушиваніе, шпіонство и другія безнравственныя уловки, употребляемыя воспитателями для покоренія воли воспитанниковъ („Увы!—замѣчаетъ Ушинскій—не въ однѣхъ только іезуитскихъ школахъ"), оказываются совершенно чуждыми духу англійскаго воспитанія.

„Англичане, съ свойственною имъ практичностью, употребляютъ школу для того, для чего она назначена, и въ ихъ школѣ воспитатель всегда есть и администраторъ и учитель или, лучше сказать, въ ихъ школѣ есть мѣсто только для воспитателей и воспитанниковъ". Вотъ какъ заканчивается Ушинскимъ характеристика англійской школы.

Въ школьномъ устройствѣ Германіи на первое мѣсто выступаетъ элементъ не воспитательный, но учебный. Въ ней преобладаютъ от-

крытыя училища, въ которыхъ учителя являются главными дѣйствующими лицами. Лицо, управляющее заведеніемъ, — прежде всего начальникъ учебной части. Онъ предсѣдатель педагогическихъ конференцій, обыкновенно главный учитель и образцовый педагогъ. Нѣмецкіе школьные законы представляютъ серьезныя и точно соблюдаемыя требованія относительно образовательнаго ценза лицъ, управляющихъ школами.

„Директоръ прусской гимназіи не указывается общественнымъ мнѣніемъ, которое руководитъ попечителями англійскихъ учебныхъ заведеній при выборѣ начальниковъ въ школы, но долженъ *выдержать экзаменъ на высшую учебную должность*“.

Надзоръ за дѣтьми, помощь въ приготовленіи уроковъ — въ германскихъ интернатахъ нерѣдко возлагаются на учащихся старшихъ классовъ, что въ воспитательномъ отношеніи не совсѣмъ удобно, но за то даетъ возможность назначать за содержаніе воспитанниковъ ту умѣренную плату, которой отличаются германскія закрытыя училища.

Такой строй германской школы сложился соотвѣтственно со всѣмъ движеніемъ германской культуры, основной чертой которой было стремленіе къ наукѣ. Въ нѣмецкой школѣ даже въ закрытыхъ училищахъ „ученье стоитъ вездѣ на первомъ планѣ, не находясь въ тѣсной связи съ воспитаніемъ“; хотя противъ этого и раздаются возгласы педагогической теоріи. Конечно, въ открытыхъ заведеніяхъ „общественное воспитаніе играетъ еще меньшую роль и остается однимъ ученіемъ“.

„Во Франціи элементы школьной жизни распадаются еще болѣе. Здѣсь администрація заведенія важно выступаетъ впередъ, слишкомъ гордая для того, чтобы унизиться до смиреннаго занятія ученьемъ или воспитаніемъ; а ученью нѣтъ никакого дѣла до воспитанія; а воспитаніе... но трудно сказать, что дѣлаетъ воспитаніе, потому что едва-ли оно существуетъ во Франціи“.

Французская школа допускаетъ во главѣ учебнаго заведенія лицъ съ меньшимъ образованіемъ, чѣмъ учителя ввѣренныхъ имъ училищъ, такъ что является совершенно непонятнымъ, какъ подобные руководители школы могутъ сообщать направленіе преподаванію наукъ, о которыхъ они имѣютъ весьма смутныя представленія. Эти руководители подчиняютъ ученье администраціи, отодвигая на второй планъ самую цѣль существованія учебнаго заведенія и ставя на первое мѣсто административную стройность, внѣшній порядокъ, блескъ и полировку.

Обращаясь къ нѣкоторымъ подробностямъ строя французской школы, Ушинскій приходитъ къ самымъ неутѣшительнымъ выводамъ относительно ея воспитательныхъ средствъ и вліяній. Въ администраціи ея находятся совершенно лишнія лица. Французскіе педагоги нерѣдко отличаются низкимъ образовательнымъ цензомъ. Конечно, они не могутъ поставить высоко учебную часть школы. Воспитательная часть находится въ пренебреженіи.

Въ концѣ статьи Ушинскій даетъ еще болѣе наглядный примѣръ того, какъ преобладаніе административнаго элемента понижаетъ учебную и воспитательную часть школы. Именно, онъ приводитъ, въ своемъ переводѣ изъ англійскаго журнала „The Westminster Review“ 1856 года характеристику темныхъ сторонъ Сандгерстской военной школы. Не откажемъ себѣ въ удовольствіи сдѣлать изъ нея нѣсколько извлеченій.

„Можно управлять школою или прямо посредствомъ учителей, или не прямо, но болѣе дѣйствительнымъ образомъ, возвышенностью чувства и нравственныхъ правилъ самихъ воспитанниковъ. Въ Сандгерстѣ, вдвойнѣ несчастномъ, нѣтъ ни того, ни другого“.

„Здѣсь нѣтъ главнаго учителя. Правитель коллегіи есть главная власть и высшая инстанція во всѣхъ дѣлахъ; но онъ не преподаетъ самъ и не принимаетъ никакого *личнаго* участія въ исполненіи обязанностей главы большого воспитательнаго заведенія. Да и нельзя требовать исполненія обязанностей такого рода отъ пожилого воина, который, съ большою пользою для отечества и честью для себя, провелъ всю свою жизнь въ занятіяхъ совершенно другого рода“...

„Что касается до настоящихъ учителей или профессоровъ, то они наполняютъ разсудокъ воспитанника различными отраслями науки, но не воспитываютъ — ни его тѣла, ни его души, ни его характера. Они учатъ математикѣ, французскому или нѣмецкому языкамъ; но имъ нѣтъ никакого дѣла до нравственности и привычекъ... Самая важная часть воспитанія — образованіе характера — находится въ Сандгерстѣ исключительно въ рукахъ военныхъ, которые пріобрѣли свои педагогическія свѣдѣнія въ казармахъ и на ученьяхъ; а прилагаютъ ихъ къ дѣтямъ двѣнадцати и тринадцати лѣтъ, когда образуется характеръ и рѣшается на всю жизнь выборъ доброй или дурной дороги“...

„Но моральное вліяніе наставника на мальчика далеко не равняется тому, которое имѣютъ мальчики одинъ на другого. Школа составляетъ общество, имѣющее свое общественное мнѣніе, столь же сильное какъ

и мнѣніе свѣта, даже сильнѣе; потому что въ четырехъ стѣнахъ залы или спальни нѣтъ убѣжища для независимой мысли. Для благосостоянія школы поэтому важнѣе всего создать и поддерживать высоконравственный тонъ между воспитанниками и образовать въ орудіе добра это общественное мнѣніе школы, которое дѣйствуетъ могущественно во всякомъ направленіи. Если общественное мнѣніе школы возвысилось до того, что между воспитанниками считается за стыдъ обмануть, за низость злоупотребить довѣріе; тогда большая часть дисциплины можетъ быть предоставлена самимъ воспитанникамъ, и именно тѣмъ, которые по своему характеру сами получили вліяніе на классъ и своимъ поведеніемъ возвышаются до такого положенія". Военная администрація Сандгерстской школы не сумѣла создать ничего подобнаго.

Она установила лишь, ради дисциплины, „наблюденіе за воспитанниками посредствомъ сержантовъ, которые не будучи ни воспитателями, ни начальниками, а принадлежа къ числу прислуги, становятся шпіонами". Конечно, это „не позволяетъ образоваться въ школѣ благородному общественному мнѣнію".

Приступая къ заключенію статьи, Ушинскій замѣчаетъ, что главную свою мысль онъ уже высказалъ раньше, чѣмъ предполагалъ. Эта мысль выражается въ томъ предпочтеніи, которое онъ отдаетъ устройству старыхъ воспитательныхъ заведеній Англіи. Достоинство этого англійскаго воспитанія заключается въ томъ, что оно, сохраняя національный характеръ, соединило въ тѣсную связь всѣ элементы, которыми создается вліяніе школы. При такомъ строѣ открывается широкій просторъ для дѣятельности выдающейся личности педагога, которая сообщаетъ школѣ возвышенный духъ благородства и научныхъ влеченій. Глава школы является не начальникомъ въ грубомъ смыслѣ этого слова, но старшимъ товарищемъ всѣхъ въ ней живущихъ. Не связанный мелочными денежными и хозяйственными заботами, онъ всегда можетъ однако явиться защитникомъ матеріальныхъ интересовъ воспитанниковъ, чтобы они могли получить все должное.

Англійскій преподаватель не только *учитъ*, но и *воспитываетъ*. Онъ приближается такимъ образомъ, къ тому идеалу, который ставитъ Ушинскій для преподавателя начальнаго курса ученія. Въ дѣтскомъ возрастѣ ученье, по мнѣнію нашего педагога, должно быть не научнымъ, но воспитывающимъ. Кто хочетъ воспитывать, не уча, тотъ въ дѣйствительности будетъ лишь *наблюдать за порядкомъ*, но *не воспитывать*. Кто же думаетъ, что онъ воспитаетъ однимъ ученьемъ,

тотъ ошибается: онъ только *научитъ*. Раздѣленіе учебныхъ предметовъ и воспитательныхъ обязанностей Ушинскій признаетъ поэтому вреднымъ. „При такомъ устройствѣ—говоритъ онъ—обыкновенно никто не *ведетъ*, т. е. не воспитываетъ класса, а онъ самъ идетъ куда попало, прихрамывая то на ту, то на другую сторону. Мальчики, предоставленные самимъ себѣ, не подчиненные одному воспитывающему вліянію, только портятъ другъ друга и *дичаютъ*. Сорныя травы выростаютъ съ необыкновенной быстротою на юной сильной, но никѣмъ не разработываемой почвѣ, глушатъ всѣ добрые начатки и новый источникъ зла обильно сочится въ лоно общественной жизни".

Мы остановились долго на данной статьѣ Ушинскаго, будучи привлечены ею въ разныхъ отношеніяхъ. Нашъ педагогъ мастерски прежде всего умѣетъ разбирать сложные педагогическіе вопросы, сводя ихъ къ основнымъ, легко различаемымъ и точно опредѣляемымъ группамъ. Онъ изображаетъ въ этой статьѣ европейскую школу въ современномъ ему состояніи и въ ея историческомъ прошломъ, какъ прекрасно знающій ее педагогъ, обладающій выдающейся способностью критическаго мышленія и талантомъ изложенія, впрочемъ, никогда его не покидавшимъ. Самые вопросы, которые трактуетъ Ушинскій, настолько важны, рѣшаются имъ такъ основательно и глубоко, что статья и для нашего времени никакъ не потеряла интереса и поучительности. Наконецъ въ этой статьѣ выражается основной взглядъ Ушинскаго на задачу школу: она должна прежде всего быть мѣстомъ воспитывающимъ, очеловѣчивающимъ.

Довольно трудно теперь понять, почему разсмотрѣнная статья не могла быть подписана именемъ Ушинскаго. Она, кажется, такого невиннаго содержанія и говоритъ исключительно о европейской школѣ, совсѣмъ не касаясь русской. Можно предположить только, что въ нелестномъ изображеніи французской чиновничьей школы заключались слишкомъ прозрачные намеки на наши собственныя школы, а недостатки Сандгерстской военной школы могли совпадать съ отрицательными явленіями Гатчинскаго сиротскаго института, гдѣ служилъ Ушинскій.

О средствахъ распространенія образованія посредствомъ грамотности. (Напечатана, съ подписью Ушинскаго, въ „Сынѣ Отечества" 1858 года, № 2, стр. 41).

Статейка эта вызвана полемикой, возникшей въ журналахъ, по почину Даля, о пользѣ распространенія грамотности въ простомъ классѣ народа. Споръ, по мнѣнію Ушинскаго, много увеличился изъ

за различнаго пониманія словъ: воспитаніе, образованіе, грамотность. Результатомъ его явилось общее признаніе, „что грамотность должна быть распространяема, но распространяема при извѣстныхъ условіяхъ— правильно и обдуманно“. Объ условіяхъ и средствахъ распространенія полезной грамотности и хотѣлъ говорить Ушинскій.

Признавая, что замѣчаніе Даля, будто грамотеи изъ крестьянъ не являются лучшими людьми деревни, „не лишено истины и взято прямо изъ практической жизни“, Ушинскій считаетъ неосновательнымъ винить въ испорченной нравственности грамотеевъ самую грамоту. „Не трудно видѣть—говоритъ онъ—что не только грамота, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. умѣнье читать и писать, но даже и та вторая ступень учебнаго образованія, которая получается въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, не можетъ оказать ни добраго, ни дурного вліянія на нравственность учащагося, если только ученье не было связано съ воспитаніемъ“. Дѣйствительно, если въ школѣ учатъ ариѳметикѣ, русской или латинской грамматикѣ, заучиваютъ историческія или географическія имена, то какое же вліяніе это изученіе можетъ оказать на нравственное развитіе школьниковъ? „Нравственно образуется человѣкъ или воспитаніемъ или наукою, въ ея обширномъ, высшемъ значеніи. Воспитывается человѣкъ въ молодости примѣромъ, умнымъ, обдуманнымъ руководствомъ, тѣмъ, что англичане называютъ training, духомъ семейнымъ, духомъ школы и, наконецъ, духомъ того общества, въ которомъ человѣку приходится жить. Этотъ послѣдній воспитывающій элементъ такъ силенъ, что противъ него не всегда оказывается устойчивымъ даже университетское образованіе, не говоря уже о гимназическомъ: чего требовать отъ бѣдныхъ грамотеевъ-невѣждъ, которые невольно втягиваются въ худую среду“?

Благотворное нравственное вліяніе на человѣка имѣетъ не элементарное ученье, но только наука: она „можетъ даже исправить недостатокъ первоначальнаго воспитанія, дать человѣку новый принципъ жизни, совершенно обновить его“. Но научнымъ знаніемъ овладѣваютъ немногіе счастливцы и избранники. Для всѣхъ другихъ лицъ изученіе разныхъ предметовъ, начиная съ грамоты, не имѣетъ нравственно воспитательнаго вліянія; не имѣетъ, конечно, оно и худого вліянія на нравственность.

Говоря въ полемикѣ о пользѣ грамотности „свое“ слово, Ушинскій обнаруживаетъ замѣчательное безпристрастіе въ отношеніи спорящихъ сторонъ, рѣдкое и часто несвойственное полемистамъ вни-

маніе къ фактамъ дѣйствительной жизни, способность основательно разбирать и прекрасно освѣщать неясные вопросы. Признавая вѣрность приводимыхъ Далемъ наблюденій надъ грамотеями, не отличающимися доброю нравственностью, Ушинскій даетъ этимъ фактамъ такое истолкованіе, при которомъ распространеніе грамотности въ народѣ является не только безопаснымъ, но даже необходимымъ дѣломъ. Правда, что грамота, извлекая крестьянина изъ простого быта, можетъ ввести его въ темную и душную область. Правдивы и разсказы Даля о томъ, какъ легко и быстро портились грамотеи изъ крестьянъ, но эти разсказы „показываютъ не то, какъ вредна грамота для русскаго человѣка, но то, до какой страшной степени заражена та среда, въ которую вводитъ ихъ грамота, и какъ беззащитенъ и безоруженъ остается въ ней простой и, можетъ быть, прекрасный человѣкъ“. Эта среда—волостные писаря, мелкіе чиновники и другіе подобные, часто темные мелкіе дѣятели крѣпостной дореформенной Россіи. Они привлекаютъ крестьянъ-грамотеевъ къ разнымъ кляузническимъ и нечистымъ дѣламъ, которыми бываютъ обильны всякія неблагоустроенныя судебныя и административныя учрежденія. Ушинскій доказываетъ, что порча грамотныхъ людей и происходитъ „*именно потому, что ихъ мало*“. При большомъ числѣ грамотныхъ устраняется возможность спекулировать грамотностью не какъ началомъ знанія и образованія, но какъ ремесломъ, при которомъ грамотей пользуется неграмотностью другихъ для явнаго или замаскированнаго обмана, или же выходитъ изъ своей среды и попадаетъ въ худшую. Развращаетъ не грамота, но укоренившееся зло обидъ и обмановъ темнаго люда. Оно, какъ ядъ, разлито въ разныхъ частяхъ общества. Спасти народъ отъ этого яда только и можно распространеніемъ образованія, а грамотность — начало образованія. Народы, устроившіе лучше другихъ свою жизнь, давно сознали пользу грамоты. У старыхъ американскихъ пуританъ требовалось, чтобы отцы научили дѣтей грамотѣ, Библіи и уголовнымъ законамъ. „Надобно же, чтобъ и у насъ правило, что „незнаніемъ закона никто извиняться не можетъ“ получило существенное и справедливое значеніе“.

Въ дальнѣйшей части статьи Ушинскій переходитъ отъ разсужденій о прямой практической пользѣ грамотности къ значенію ея какъ самыхъ широкихъ и удобныхъ воротъ въ область образованія. Грамота одно изъ средствъ развитія народа. Она можетъ дать очень много и очень мало, въ зависимости отъ другихъ средствъ и условій распространенія просвѣщенія и развитія человѣка. Даже безъ гра-

мотности и образованія можно быть развитымъ, хорошо разсуждающимъ человѣкомъ. Природныя дарованія людей развиваются жизнью и дѣятельностью. Бывалый крестьянинъ, поживший въ разныхъ концахъ Россіи, перепробовавшій и узнавшій нѣсколько занятій и промысловъ, обнаружитъ часто больше ума и знанія сравнительно не только съ грамотеемъ, прочитавшимъ Бову, но и съ человѣкомъ, который читалъ Дюма и Сю въ оригиналѣ. Такъ воспитываетъ жизнь. Но наша школа даже и простой грамотѣ учитъ немногихъ, при томъ такимъ устарѣлымъ способомъ (*буки—азъ—ба*), который не возбуждаетъ мысли учащагося, даже отбиваетъ охоту къ ученью.

Грамота полезна только для того, кто, научившись ей, будетъ читать книги; но книгъ, доступныхъ для начинающаго и вводящихъ его въ область настоящей науки и литературы, у насъ нѣтъ. Правда, народъ имѣетъ церковныя книги. Ушинскій убѣжденъ, что эти книги „представляютъ обильную и здоровую пищу для развитія разума; но свободный доступъ къ этой высокой пищѣ не можетъ открыть еще неокрѣпшій, самонадѣянный и неопытный молодой разсудокъ. Понимать высокія, святыя истины Библіи всего болѣе учатъ насъ великіе учители человѣчества: церковь, жизнь, горе, лѣта и опытъ“. Свѣтскую литературу, доступную для широкихъ слоевъ населенія, нужно еще создать. Тогда и грамотность окажетъ свое благотворное вліяніе на жизнь народа. Попытки составленія для народа простенькихъ книжекъ, написанныхъ языкомъ маленькаго мужика, Ушинскій признаетъ неудачными. По его мнѣнію, народныя книги должны быть написаны „самымъ чистымъ литературнымъ языкомъ, безъ всякихъ кривляній на мужицкій ладъ“, которыя только оскорбляютъ читателя-простолюдина. „Главныя условія русской простонародной книги—говоритъ онъ—дѣльность предмета, ясность изложенія, серіозность, благородство и искренность языка, практичность выводовъ и дешевизна. Малѣйшее поползновеніе на шутливый тонъ, на мужицкій фарсъ, и порядочный русскій человѣкъ, который не любитъ болтать попустому, непремѣнно броситъ книгу“.

Америка служитъ для нашего педагога примѣромъ прекрасной и развитой организаціи для распространенія образованія среди грамотнаго населенія. Онъ обращаетъ вниманіе русскихъ читателей на то, что народъ, живущій за океаномъ, имѣетъ массу хорошихъ, доступныхъ, дешевыхъ народныхъ книгъ; что при школахъ американцы имѣютъ народныя библіотеки, на которыя штаты отпускаютъ огромныя суммы; народныя книги издаются не только частными предпри-

нимателями, но и разными школьными обществами; книжная торговля совершенно свободна и находится на высочайшей степени развитія; также чрезвычайно распространены произведенія американской печати, которая нисколько не стѣснена, хотя неистовая брань, направленная противъ высокопоставленныхъ лицъ, составляетъ одно изъ любимыхъ ея занятій; публичныя лекціи, собранія съ произнесеніемъ рѣчей—обычное дѣло у американцевъ. Конечно, при такомъ обиліи образовательныхъ средствъ „начала образованія, полученныя въ народныхъ школахъ, не остаются на жертву времени, но постоянно животворятся и приносятъ плоды, чего бы никогда не было, если бы умъ отдѣльнаго лица за дверями школы оставленъ былъ безъ всякой пищи и средствъ къ дальнѣйшему развитію". Если люди, блистательно учившіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, по выходѣ изъ нихъ не продолжаютъ начатыхъ тамъ занятій, то ихъ развитіе и умственные интересы быстро ограничиваются. Чего же ждать отъ учениковъ начальной школы, не имѣющихъ возможности послѣ ея окончанія ни учиться, ни читать. О томъ, чтб нужно сдѣлать для распространенія народнаго просвѣщенія въ Россіи, Ушинскій хотѣлъ поговорить въ одной изъ слѣдующихъ статей. Въ печати такая статья намъ неизвѣстна. Можетъ быть, однако, что она находится, хотя бы въ видѣ набросковъ, въ бумагахъ Ушинскаго.

Внутреннее устройство Сѣверо-Американскихъ школъ. (Напечатано въ „Журналѣ для воспитанія", 1858 г., т. IV). Статья эта является продолженіемъ очерка сѣверо-американскаго воспитанія, первая часть котораго озаглавлена: „Школьная реформа въ Сѣверной Америкѣ". Объ этомъ Ушинскій заявляетъ съ самаго начала второй статьи, замѣчая, что до этого времени онъ описывалъ внѣшнюю организацію общественнаго воспитанія въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ, а теперь перейдетъ къ внутреннему устройству школъ. Въ статьѣ сообщаются и разсматриваются свѣдѣнія объ учителяхъ, школьныхъ помѣщеніяхъ, учебникахъ, школьной дисциплинѣ, о способахъ и предметахъ преподаванія.

Здѣсь интересны сужденія Ушинскаго о педагогическихъ способностяхъ и педагогической дѣятельности женщины. Сѣверо-американцы будто бы на опытѣ убѣдились, что женщины не только равняются съ мужчинами въ способности воспитывать, но даже превосходятъ мужчинъ; поэтому по количеству женщинъ, занимающихъ учительскія мѣста, тамъ судятъ объ успѣхахъ образованія въ томъ или другомъ штатѣ.

Ушинскій находитъ, что нѣтъ причины, по которой женщина могла бы отстать отъ мужчины въ пріобрѣтеніи нужныхъ для учительской дѣятельности знаній и въ способности преподаванія. Америка въ особенности представляетъ благопріятныя условія для образованія женщины, которая имѣетъ тамъ досугъ и возможность учиться въ школѣ и дома, подготовляясь къ педагогическимъ или другимъ общественнымъ занятіямъ, въ то время какъ мужчины устремляются въ потокъ промышленной жизни. Но онъ не согласенъ съ тѣми педагогами, которые въ самомъ различіи умственныхъ свойствъ мужчины и женщины находятъ особыя способности послѣднихъ къ преподаванію. „Не въ умственныхъ способностяхъ женщины — говоритъ Ушинскій — но въ характерѣ ея природа скрыла богатыя средства для воспитанія дѣтей. Сосредоточенность вниманія, точность, терпѣніе, настойчивость, любовь къ порядку, нѣжность, манеры, вкусъ и наконецъ врожденная любовь къ дѣтямъ—все это такія качества, которыя встрѣчаются скорѣе и въ большей степени въ женщинѣ, нежели въ мужчинѣ. Сѣверо-американцы вѣрно замѣчаютъ, что женщины вносятъ съ собою въ школу ту семейную атмосферу, которой не долженъ покидать ребенокъ до тѣхъ поръ, пока въ немъ разумная воля не выработается совершенно изъ пеленокъ чувства и инстинктовъ“.

Предоставленіе женщинѣ учительскихъ занятій выгодно для общества еще и въ томъ отношеніи, что молодыя дѣвушки, занимаясь въ школахъ, пріобрѣтаютъ знанія и привычки учить и воспитывать дѣтей, что дѣлаетъ изъ нихъ впослѣдствіи прекрасныхъ матерей семейства. „Благодѣтельное вліяніе этой приготовительной школы молодыхъ женщинъ на семейную жизнь, на нравственность и умственное развитіе народа—неоцѣнимо“.

Школьная обстановка въ Америкѣ была прежде очень незавидна. Затѣмъ заботы о порядкѣ, чистотѣ и комфортѣ сильно увеличились. Общество пришло къ сознанію, что школа должна производить благодѣтельное вліяніе не только на здоровье дѣтей, но на ихъ чувства и привычки.

Школа, располагающая къ себѣ учащихся свѣтомъ, чистотой и красотою, облегчаетъ веденіе дисциплины и ученья. Дѣти, которыя не видѣли у себя дома должной чистоты и хорошаго убранства, должны найти ихъ по крайней мѣрѣ въ школѣ.

Нашей русской школѣ, которая мирится часто съ неприхотливой и даже грязной и нездоровой обстановкой, въ особенности стоитъ напомнить слѣдующія слова Ушинскаго: „Въ дѣтскомъ возрастѣ внѣш-

193

нее и внутреннее, форма и сущность смѣшиваются весьма легко, и неопрятная душная школьная комната, изорванный, запачканный, дурно напечатанный учебникъ почти столько же отбиваютъ у дѣтей охоту къ ученію, сколько непривлекательная, неприличная наружность [1]) учителя".

Также важно вліяніе обстановки и на ходъ занятій: „Ничто такъ не располагаетъ дѣтей къ сонливости и лѣни, какъ дурной, спертый воздухъ и духота въ классѣ; въ комнатѣ, гдѣ холодъ постоянно напоминаетъ о себѣ, также трудно учиться. Соблюденіе должной температуры также важно для дѣтей, какъ для цвѣтовъ, чтобъ поддерживать ихъ въ бодромъ, возбужденномъ состояніи. Не говоримъ уже о вліяніи этого обстоятельства на здоровье".

Въ то время еще только приходилъ конецъ Ланкастерской методѣ обученія, которая, впрочемъ, исчезала не безслѣдно, но оставивъ послѣ себя пріемы, за которыми были признаны педагогическія и практическія достоинства. Изъ нихъ Ушинскій одобрительно отзывался о помощи старшихъ учениковъ при выспрашиваніи, разъясненіи и приготовленіи уроковъ. Та нѣмецкая система классныхъ занятій, которая теперь у насъ господствуетъ и которая заключается въ томъ, что въ классѣ, большомъ или маломъ, занимается *одинъ* учитель *однимъ* предметомъ и *всѣ* учащіеся должны слушать *одного* говорящаго, не во всѣхъ случаяхъ признается Ушинскимъ раціональной. Именно, въ многолюдныхъ классахъ трудно привлечь вниманіе всѣхъ къ словамъ одного говорящаго, въ особенности, напримѣръ, ученика, отвѣчающаго урокъ, когда даже не всякій учитель способенъ приковать сознаніе учащихся къ своимъ объясненіямъ. Если рѣчь говорящаго сама по себѣ не привлекательна или ученики не считаютъ себя обязанными внимательно слушать, какъ это бываетъ, напримѣръ, при отвѣтѣ товарищемъ выученнаго урока, то классное занятіе учащагося сводится къ тому, чтобы каждый день по 4, 5 или 6 часовъ сидѣть „безъ мысли въ головѣ, безъ занятія въ рукахъ, стараясь только сохранить ту неподвижность тѣла и тотъ тупой и безсмысленно-внимательный взглядъ, который требуется классною дисциплиною". Ушинскій находитъ, что мальчику лучше проиграть эти часы въ чехарду или пробѣгать по полю, чѣмъ „провесть ихъ такимъ лакейскимъ образомъ, ничего не думая и притворно показывая требуемое вниманіе". При-

---

[1]) Конечно, здѣсь наружность значитъ: внѣшность, т. е. костюмъ, манеры, привычки къ чистотѣ и порядку.

выкая къ такому непроизводительному препровожденію времени на урокахъ, ученики не несутъ изъ школы домой ни привычки, ни охоты работать и надъ приготовленіемъ уроковъ для класса. Поэтому нашъ педагогъ признаетъ заслуживающимъ вниманія американскій способъ занятій, гдѣ иногда практикуется въ одномъ классѣ раздѣленіе на группы, въ которыхъ разные учителя или старшіе ученики, распредѣливши части классной работы, ведутъ ихъ въ одно и то же время: кто повторяетъ объясненіе урока, кто спрашиваетъ заданное, кто слѣдитъ за исполненіемъ самостоятельной работы учениковъ. Въ этомъ случаѣ „кажущійся безпорядокъ въ классѣ, раздѣленномъ занятіями на группы, есть истинный классный порядокъ, потому что вниманіе всѣхъ учениковъ работаетъ надъ извѣстнымъ предметомъ; а это и есть высшая задача класса“ (261 стр.).

Учебники въ Америкѣ хороши и ихъ много. Кромѣ большого количества оригинальныхъ учебниковъ, тамъ охотно переводятся новые замѣчательные учебники, появившіеся въ Европѣ. Ушинскій находилъ полезнымъ, чтобы и мы послѣдовали въ этомъ отношеніи примѣру американцевъ. Конечно, для этого нужно знать основательно учебную литературу и умѣть выбирать книги, достойныя перевода. У насъ въ школахъ, во всякомъ случаѣ, существуетъ худая привычка держаться долго одного и того же учебника. „Слишкомъ частая и безполезная мѣна учебниковъ конечно вредна; но гораздо вреднѣе отсутствіе конкуренціи между учебниками“. Составитель новаго учебника долженъ постараться собрать мнѣнія преподавателей о старомъ учебникѣ и воспользоваться ихъ практическими замѣтками. „Критика учебниковъ должна быть по возможности поощряема; потому-что она составляетъ единственное средство имѣть хорошіе учебники, что составляетъ фундаментъ хорошаго преподаванія“. Ушинскій признаетъ огромную пользу для улушенія учебной литературы за составленіемъ педагогическихъ библіотекъ и журналами, спеціально занимающимися критическимъ разборомъ учебниковъ.

Особенно много мѣста въ своей статьѣ Ушинскій удѣляетъ школьной дисциплинѣ. Первые европейскіе поселенцы Америки — старые пуритане—отличались строгими, суровыми нравами. Наказанія играли важную роль въ американской школѣ. Когда писалъ Ушинскій, то тѣлесныя наказанія въ народныхъ школахъ Сѣверной Америки еще нигдѣ не были отмѣнены закономъ, хотя учащіе прибѣгали все рѣже и рѣже къ этому грубому средству.

Фактическое устраненіе тѣлеснаго наказанія приходило вмѣстѣ съ

подъемомъ общаго и педагогическаго образованія учителей. Общество также повышало свои требованія къ школьному ученію и порядкамъ, считая лучшимъ признакомъ хорошей школы рѣдкія наказанія. Школьное общество въ Нью-Іоркѣ присуждало почетные дипломы учителямъ, которые въ теченіе долгаго времени умѣли поддерживать дисциплину, не примѣняя тѣлесныхъ наказаній.

Собственный взглядъ Ушинскаго на тѣлесное наказаніе не отличался смѣлостью. Онъ допускалъ его согласно съ обычаями среды или съ особенностями частнаго случая. Конечно, это допущеніе было не столько одобреніемъ пріема, сколько нѣкоторымъ оправданіемъ тѣмъ воспитателямъ, которые не умѣли найти лучшихъ средствъ. „Чѣмъ болѣе—говоритъ онъ—является развитою, обдуманною и глубокою система народнаго воспитанія, чѣмъ лучше и правильнѣе устроена школа, чѣмъ болѣе правильныя воспитательныя понятія распространены въ народѣ, тѣмъ менѣе будетъ являться случаевъ, требующихъ приложенія этой грубой мѣры“. По мнѣнію Ушинскаго, „тѣлесное наказаніе можетъ быть употребляемо только для искорененія уже образовавшихся въ ребенкѣ дурныхъ привычекъ“. Оно прилагается въ этомъ случаѣ „не какъ наказаніе за проступокъ, но какъ вспомогательное средство для слабой воли ребенка, не имѣющей силы справиться съ укоренившимся порокомъ. Убѣжденіе вообще дѣйствуетъ на ребенка слабо и укореняется въ немъ только съ лѣтами. Кромѣ того мы видимъ, что и во взрослыхъ людяхъ, въ которыхъ умъ занялъ уже свое царственное мѣсто, отъ убѣжденія въ пользѣ какого-нибудь правила жизни до выполненія его—цѣлая бездна, наполняемая только силою привычки. Страхъ вообще дурное чувство, а страхъ тѣлеснаго наказанія хуже всякаго другого страха: онъ ставитъ человѣка наравнѣ съ животнымъ. Но если воспитатель въ своей дѣятельности встрѣтитъ въ укоренившейся дурной наклонности ребенка не поддающееся другимъ средствамъ препятствіе дальнѣйшаго нравственнаго и умственнаго развитія, то вся грубость тѣлеснаго наказанія не должна останавливать его. Низкій и вредный страхъ, сопровождающій это средство, пройдетъ мало-помалу вмѣстѣ съ исправленіемъ и возрастомъ ребенка: это одинъ изъ тѣхъ ядовъ, дѣйствіе котораго уничтожается вмѣстѣ съ болѣзнію; но для удаленія котораго нужно время и особенно бдительный уходъ за больнымъ“ (стр. 264).

Ни злость, ни ложь не должны наказываться тѣлесно: страхъ наказанія не сдѣлаетъ злого сердца добрымъ, а наклонный ко лжи можетъ пріобрѣсти еще худшую наклонность—къ искусной лжи, ко-

торой будетъ обманывать не только своего воспитателя, но и самого себя.

Взглядъ Ушинскаго на наказанія вообще сводится къ тому, что въ рукахъ педагога они не имѣютъ значенія кары за проступокъ, но должны примѣняться только какъ вспомогательныя средства, безъ которыхъ воспитатель иногда не можетъ обойтись для достиженія той или другой цѣли. Съ усовершенствованіемъ воспитанія домашняго и общественнаго тѣлесныя наказанія, конечно, должны исчезнуть. Неизбѣжность ихъ въ данное время зависитъ отъ несовершенствъ самого воспитанія. „Распространеніе здравыхъ педагогическихъ понятій между родителями, обдуманное устройство учебныхъ и воспитательныхъ заведеній, улучшенія въ методахъ преподаванія и образованіе опытныхъ, владѣющихъ собою педагоговъ—единственныя средства для постепеннаго изгнанія тѣлесныхъ наказаній".

На поддержку дисциплинѣ въ американской школѣ являются товарищества учащихся. Ученики, подъ контролемъ учителя, имѣютъ товарищескій судъ и налагаютъ на провинившихся наказанія, иногда очень суровыя.

Система школьныхъ наградъ, также какъ и система наказаній, не нашла въ Ушинскомъ безусловнаго противника. Признавая, что, поощряя къ занятіямъ, награды портятъ характеръ, онъ находитъ, что при нынѣшнемъ состояніи школъ награды приносятъ очевидную практическую пользу. Если говорятъ, что вознагражденіе за хорошіе успѣхи и поведеніе противорѣчитъ цѣли воспитанія, которое должно возбудить безкорыстную любовь къ добру и знанію, то должны обратить вниманіе и на то: „возможна ли такая любовь въ мальчикѣ десяти или одиннадцати лѣтъ? Самые предметы, изучаемые въ этомъ возрастѣ, способны ли внушить такую любовь? Имѣя дѣло съ дѣтьми, мы имѣемъ дѣло съ маленькими людьми, а не съ идеями. Пусть мальчикъ учится отчасти изъ-за награды: поучится больше, выростетъ и полюбитъ науку".

Въ предметахъ ученья вниманіе Ушинскаго привлекаетъ преподаваніе въ начальныхъ школахъ Сѣверной Америки естественныхъ наукъ: физики, химіи, минералогіи, физіологіи. Объемъ свѣдѣній по этимъ предметамъ дается, конечно, небольшой, и изученіе ихъ направляется лишь къ пробужденію интереса къ явленіямъ и законамъ окружающей дѣтей природы. Ушинскій находитъ, что въ нашихъ школахъ знанія о природѣ даются обыкновенно въ формѣ самой неудобной для дѣтской головы: сухое изложеніе, безконечныя дѣленія и подраздѣ-

ленія, отмѣчаемыя тяжелой для памяти и непонятной латинской терминологіей—вотъ что представляютъ учебники о природѣ. Знакомство съ ними похоже на изученіе подробнаго заглавія книги, содержаніе которой остается неизвѣстнымъ для изучающаго ее. По Ушинскому нужно совершенно измѣнить способы изученія природы въ школѣ, а самый предметъ этотъ поставить во главѣ школьнаго знанія. „Трудно спорить—говоритъ онъ—противъ той совершенно логической мысли, что прежде всего должно познакомить человѣка съ окружающимъ его міромъ и съ предметами, которые онъ безпрестанно встрѣчаетъ въ жизни и во многихъ другихъ наукахъ“. Самая исторія развитія знанія показываетъ, „что пытливость человѣка сначала обратилась на сущность вещей“, а потомъ перешла и къ другимъ предметамъ. Слѣдя за наклонностями дѣтскаго возраста, мы также убѣдимся, что предметы естественныхъ наукъ обыкновенно привлекаютъ любопытство ребенка.

Самый ходъ естественнаго развитія учащихся требуетъ, чтобы ихъ ученіе начиналось съ конкретныхъ, окружающихъ ихъ предметовъ, а потомъ уже переходило къ отвлеченностямъ, точно также, какъ отъ извѣстнаго педагогъ долженъ переходить къ неизвѣстному.

Будущее, по мнѣнію Ушинскаго, дастъ естествознанію въ школѣ первое мѣсто, что онъ и доказываетъ ясными доводами.

Изъ другихъ учебныхъ предметовъ Ушинскій желалъ бы выдвинуть на видное мѣсто географію, которая пользуется у насъ очень малымъ почетомъ въ школѣ и въ наукѣ. Онъ желаетъ въ этомъ отношеніи идти въ слѣдъ за американцами, которые ставятъ географію въ начальномъ учебномъ курсѣ раньше исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, скажемъ выразительнымъ слогомъ Ушинскаго: „Почему знакомство съ призрачными обликами древней Ассиріи и Вавилоніи занимательнѣе и полезнѣе знакомства съ нынѣшней Персіей и Индіей? Почему знакомство съ финикійскими колоніями предпочитается знакомству съ колоніями Англіи? Почему удѣльныя усобицы должны быть извѣстнѣе, нежели теченіе Волги или наши азіатскія границы?“

Рядомъ съ школой по образовательному значенію должна быть поставлена хорошая дѣтская книга: это опора и продолженіе школьнаго ученія. Попытки составленія такихъ книгъ, по мнѣнію Ушинскаго, были у насъ неудачны. Не имѣя возможности указать образецъ, онъ опредѣляетъ идеалъ такой книги. Мы знаемъ, что онъ близко подошелъ къ подобному идеалу въ своемъ знаменитомъ и прекрасномъ „Дѣтскомъ мірѣ“.

Заканчивается статья Ушинскаго свѣдѣніями о положеніи въ американскихъ школахъ религіи, которой онъ былъ, какъ извѣстно, неизмѣннымъ, искреннимъ и глубокимъ приверженцемъ.

Если мы имѣемъ дѣло въ данной статьѣ Ушинскаго съ фактами уже устарѣвшими, то ее все-таки никакъ нельзя считать потерявшею интересъ. И тогда, и теперь главное значеніе статьи въ выраженныхъ въ ней взглядахъ на различныя стороны школьнаго строя. Ушинскій не статистикъ, не компиляторъ, не переводчикъ, но педагогъ-мыслитель. Факты изъ жизни американской школы служатъ для него лишь выраженіемъ присущихъ этой школѣ идейныхъ началъ, а эти начала разсматриваются имъ какъ педагогомъ съ самостоятельными и глубокими взглядами на разбираемые предметы. Съ грустью можно сказать, что если кое-какіе взгляды Ушинскаго и требуютъ теперь нѣкоторыхъ поправокъ, то все-таки наша школа еще очень далека и отъ того, чего онъ для нея желалъ. Стоитъ только вспомнить: какова наша школьная обстановка? каковы наши учебники? много ли у насъ хорошихъ дѣтскихъ книгъ? какъ идетъ школьная дисциплина? каковы наши программы?

Ни для оцѣнки взглядовъ, ни для опредѣленія личности Ушинскаго не имѣетъ рѣшающаго значенія то, что въ приведенной статьѣ онъ держится слишкомъ практическихъ взглядовъ на наказаніе и даже допускаетъ розгу. Это допускала не только тогдашняя школьная практика, но и теорія въ лицѣ своихъ извѣстныхъ, даже прославленныхъ педагоговъ. Это не возбуждало протеста и въ передовыхъ элементахъ общества. Крыловъ, Никитенко, Бестужевъ-Рюминъ спокойно передавали о себѣ факты наказаній или случаевъ подобнаго рода. И мы считали долгомъ передать мнѣніе Ушинскаго, не скрывая и не подчеркивая, передать какъ фактъ, объясняемый временемъ, который мало можетъ поколебать уваженіе къ высокой его личности: сочиненія замѣчательныхъ педагоговъ изучаются не такъ, какъ заговоры знахарей, а опредѣляющая воззрѣнія писателя біографія не есть „житіе“ или „прославленіе подвиговъ“.

Программа педагогики, составленная Ушинскимъ для женскихъ учебныхъ заведеній (Та часть программы, которая является планомъ невышедшаго въ печати, но подготовляемаго Ушинскимъ 3-го тома педагогической антропологіи, напечатана у Фролкова. Полная же программа была передана имъ г-жѣ Ушинской „для напечатанія въ собраніи педагогическихъ статей покойнаго ея мужа“. (См. *Фролковъ*, стр. 35). Вполнѣ эта обширная программа напечатана, по рукописи

Д. Д. Семенова, въ книгѣ: „Памяти Константина Дмитріевича Ушинскаго“ [1]). С.-Пб. 1896. Стр. 135—150. Время составленія этого труда мы въ точности опредѣлить не можемъ. Очевидно только, что программа была составлена въ то время, когда Ушинскій былъ инспекторомъ Смольнаго института, въ которомъ онъ преподавалъ педагогику (1859—1861 годы).

Вопросы о народныхъ школахъ (Напечатана въ „Сынѣ Отечества“ 1861 года, № 18 [30 апрѣля]).

Эта замѣчательная статья Ушинскаго вызвана обнародованіемъ „Положенія“ объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Ушинскій не сомнѣвался въ томъ, что это „Положеніе“ есть „только фундаментъ, на которомъ должно мало-по-малу построиться зданіе совершенно новаго быта для всего нашего сельскаго населенія“. Заботы объ этомъ населеніи Ушинскій считалъ главною, существенною частью заботъ правительства, потому что въ такой земледѣльческой странѣ, какъ Россія, все благосостояніе государства основывается на благосостояніи сельскаго класса. Ушинскій радовался тому, что и этотъ классъ вступаетъ теперь на путь улучшеній и преобразованій, которыя со временъ Петра Великаго распространялись лишь въ верхнихъ слояхъ общества. Россія двинется впередъ по пути цивилизаціи только тогда, когда реформа коснется низшаго слоя общества. „Таково неизмѣримо-важное, государственное, общее для всей Россіи значеніе „Положенія 19-го февраля“, которое снимаетъ окончательно главнѣйшую препону, стоявшую на пути нашей цивилизаціи“.

Но возможность многихъ улучшеній въ государственной и общественной жизни должна еще обратиться въ дѣйствительность, а въ реформѣ не только важно, что она будетъ, но и то, какъ она будетъ проведена. Послѣднему вопросу Ушинскій и посвящаетъ свою статью, такъ какъ тѣсно связываетъ благодѣтельное значеніе реформы съ вопросомъ о народныхъ школахъ.

Дѣйствительныя, а не кажущіяся улучшенія въ быту народа основываются на духовномъ его развитіи. Изъ этого идущаго впередъ развитія вырастаютъ самыя прочныя внѣшнія реформы. „Для того,

---

[1]) Въ этой же книгѣ напечатаны „Замѣтки К. Д. Ушинскаго, относящіяся къ чистотѣ русскаго языка“. Въ этихъ замѣткахъ Ушинскій совѣтуетъ Л. Н. Модзалевскому не злоупотреблять иностранными словами и замѣняетъ въ одной его статьѣ такія слова чисто русскими.

чтобы благосостояніе народа и его образованность, тѣсно связанныя между собою, сдѣлали дѣйствительный шагъ впередъ, для этого еще недостаточно устава и закона, какихъ бы то ни было внѣшнихъ опредѣленій; но необходимо, чтобы самый духъ народа, его умъ и его нравственное чувство, дали силу и жизнь этимъ уставамъ, законамъ и правамъ".

„Духовное развитіе, духовное воспитаніе человѣка въ отдѣльности и народа вообще совершаются не одною школою, но нѣсколькими, великими воспитателями: *природою, жизнью, наукою и религіей*". Но уроки этихъ учителей производятъ развивающее вліяніе на душу человѣка только тогда, когда онъ къ этому подготовленъ.

Природа краснорѣчиво говоритъ уму и сердцу образованнаго человѣка, но она нѣма для полудикаго человѣка, подчиняетъ его себѣ, подобно животнымъ, не даетъ ему ни новыхъ мыслей, ни новыхъ чувствъ.

Житейскіе уроки бываютъ полезны лишь тѣмъ людямъ, которые изъ опыта жизни сумѣютъ извлечь плодотворную мысль и примѣнить ее къ своей дѣятельности: для необразованнаго большинства, вѣка опыта проходятъ безплодно, дѣти повторяютъ ошибки отцовъ и дѣдовъ, страдаютъ отъ нихъ, но не умѣютъ ихъ исправить. Необходимо принимать мѣры, чтобы сообщить движеніе народной жизни, соотвѣтственно, во-первыхъ, съ пробуждающимися силами народа, во-вторыхъ, съ современностью, потому что „народъ несовременный, отставшій отъ общаго историческаго движенія, неизбѣжно страдаетъ. Дать же быстроту народному развитію можетъ только сознательное, разумное воспитаніе и разумное ученье: они будятъ умъ народа, даютъ свободу его сознанію и обогащаютъ его познаніями, до которыхъ онъ опытомъ не добрался бы и въ многія сотни лѣтъ".

„Книга, имѣющая столь важное значеніе для человѣка, сколько-нибудь тронутаго развитіемъ, также, какъ природа и опытъ жизни, остается нѣмою не только для того, кто не умѣетъ читать, но и для того, кто, прочитавъ механически страницу, не сумѣетъ извлечь изъ мертвой буквы живой мысли".

„Человѣкъ, умъ котораго спитъ безпробудно, можетъ искренно исповѣдывать высоко-нравственную религію и, не смущаясь совѣстью, жить какъ язычникъ. Такимъ образомъ, и по отношенію къ религіозному образованію народа, — первоначальное, здравое воспитаніе является необходимымъ посредникомъ между человѣкомъ и церковью". Образованіе должно поднять сознаніе человѣка и довести его отъ внѣш-

ней формы религіи до ея внутренняго смысла. Исторія древней христіанской церкви показываетъ, что первые распространители христіанства хотѣли утвердить сознательную религію и много заботились объ устройствѣ школъ. Лишь послѣ, когда вѣра ослабѣла, и религія явилась средствомъ разныхъ посторонніхъ цѣлей, тогда и духовенство стало враждебно относиться къ просвѣщенію.

„Въ основу всякихъ прочныхъ улучшеній въ народномъ бытѣ—заключаетъ Ушинскій—въ основу всякаго движенія впередъ цивилизаціи сельскаго населенія, должна, необходимо, неизбѣжно, лечь *народная школа*, которая бы, внося въ наши села и деревни здравое первоначальное воспитаніе, открыла зрѣніе и слухъ, душу и сердце народа урокамъ великихъ наставниковъ человѣчества: природы, жизни, науки и христіанской религіи“.

„Устройство народныхъ школъ въ селахъ и деревняхъ“,—по мнѣнію знаменитаго нашего педагога,—„необходимѣйшее дополненіе къ „Положенію 19-го февраля“. Это первая ступень улучшеній сельскаго быта, къ которому реформа открываетъ путь, и первое условіе „всѣхъ дѣйствительныхъ внутреннихъ, а не наружныхъ только“ преобразованій народной жизни. „Вопросъ объ учрежденіи народныхъ школъ въ селахъ и деревняхъ является самымъ государственнымъ вопросомъ“.

Школы устроятся, если въ народѣ есть потребность учиться и если для ихъ содержанія найдутся средства. Явленія современной Ушинскому жизни показывали ему, что эта потребность сильно пробудилась въ городахъ. Если гдѣ-нибудь въ глуши уединенныхъ деревень эта потребность еще не сильна, если народъ обнаруживаетъ явное несочувствіе къ существующимъ уже школамъ, то это зависитъ не отъ тупости народа, а отъ характера самой школы. Въ деревнѣ являлась не та школа, которая должна быть продуктомъ европейской культуры и новой педагогики, но „училища, устроенныя для различныхъ, иногда вовсе не воспитательныхъ цѣлей“. Наши школы устраивались не для умственнаго и нравственнаго развитія народа, но для того, чтобы воспитывать народъ въ нашихъ собственныхъ цѣляхъ: вотъ почему онъ недовѣрчиво относился къ школѣ. Если школа будетъ имѣть цѣлью пользу самого народа, то и его отношеніе къ ней будетъ сочувственное.

Потребность школы пробуждается и новымъ правовымъ положеніемъ крестьянъ. Народная школа необходима для того, чтобы „Положеніе 19-го февраля“ и тѣ, которыя должны за нимъ послѣдовать,

дѣйствительно вошли въ народную жизнь, чтобы права, признанныя за сельскимъ населеніемъ, сдѣлались дѣйствительными правами народа, и онъ имѣлъ умѣнье и готовность защищать ихъ законнымъ порядкомъ, чтобы народъ могъ сознательно встать на путь реформы и двигаться по этому пути. Образованіе является необходимымъ и для успѣшнаго исполненія общественной службы, и для того, чтобы быть полезнымъ членомъ общества, и для защиты своихъ частныхъ интересовъ при столкновеніяхъ съ помѣщиками, казною, администраціею. Все это пробудитъ потребность къ школѣ и тамъ, гдѣ она не сознавалась.

Дѣло остается за деньгами. Ихъ нужно найти, но ихъ не слѣдуетъ жалѣть. „Устройство хорошихъ народныхъ школъ—говоритъ Ушинскій—есть самая выгодная, самая прочная и основная финансовая операція; потому что хорошая народная школа открываетъ самые источники народнаго богатства, извлекая, подобно Моисееву жезлу, живую воду изъ безчувственнаго камня. Она увеличиваетъ умственный и нравственный капиталъ народа, именно тотъ капиталъ, который приноситъ болѣе всего даже денежныхъ процентовъ, и безъ котораго всѣ прочіе капиталы остаются мертвыми“.

Достанетъ ли средствъ у народа на содержаніе школъ? Но народъ платитъ за свое невѣжество такія огромныя суммы, что на годичную такую плату можно устроить по всей Россіи и содержать школы лѣтъ двадцать. Крестьянская деревенька въ 10—12 дворовъ не въ состояніи содержать сама школы, хотя она и снесетъ въ шинокъ вдвое больше того, что стоитъ школа, „и платитъ за свое невѣжество, всѣмъ возможнымъ обираламъ, вѣроятно, не менѣе того, что слѣдовало бы заплатить хорошему учителю, который бы, можетъ быть, избавилъ ея жителей навсегда отъ всякихъ обиралъ и гибельнаго вліянія шинковъ“. А большія русскія села „въ одинъ праздникъ или въ одинъ походъ къ становому и исправнику“ издерживаютъ больше, чѣмъ нужно израсходовать на отличнѣйшую школу въ теченіе цѣлаго года. „Одной третьей доли того, что, не доходя до казны, попадало въ карманъ откупщиковъ и ихъ многочисленныхъ командъ, достаточно для того, чтобы разсѣять по всей Россіи многія и многія тысячи школъ“.

Чтобы школа сдѣлалась существенною потребностью народа, не нужно ждать, когда онъ оцѣнитъ всю пользу ученья. Для такого сознанія необходимы опытъ, время и извѣстная доля развитія. Поэтому въ государствахъ, правительства которыхъ сознаютъ, что народное образованіе необходимо для общаго благосостоянія, существуютъ за-

коны, обязывающіе родителей учить своихъ дѣтей въ школѣ (обязательность образованія).

„Вопросъ о принудительномъ ученіи—пишетъ Ушинскій—былъ на время возбужденъ и въ нашей литературѣ, но потомъ такъ нерѣшеннымъ и оставленъ. Странно, что идея обязательнаго обученія возбудила такое сильное противодѣйствіе со стороны нѣкоторыхъ изъ нашихъ прогрессивныхъ журналовъ. Кажется, что имъ не понравилось самое слово: „обязательный и принудительный", и они не разобрали, что подъ этимъ словомъ скрывается одна изъ либеральнѣйшихъ идей. Обязательное ученіе стѣсняетъ не дитя, которое учится, но родителей, которые въ силу этой обязанности должны дать образованіе своимъ дѣтямъ. Обязанность ученія дѣтей есть самое справедливое ограниченіе отцовскаго деспотизма и самое справедливое требованіе общества относительно отдѣльнаго лица". Дѣти не должны страдать отъ невѣжества своихъ родителей. Ради этихъ дѣтей и ради блага государства, правительство въ правѣ требовать, чтобы родители отправляли своихъ дѣтей въ школу. Разсчитывать же, что законъ принудительнаго образованія окажется у насъ ненужнымъ, нѣтъ основаній, когда его часто приходится прилагать къ дѣлу даже въ Пруссіи, гдѣ обязательность обученія установлена давно. Безъ этого закона ростъ народнаго образованія слишкомъ замедляется. Съ этимъ вмѣстѣ замедляются и успѣхи культуры. Гизо не рѣшился ввести обязательность обученія во Франціи, и поэтому многія изъ предполагаемыхъ имъ улучшеній остались только проектами.

Только одного условія не доставало при Ушинскомъ для устройства въ Россіи повсемѣстно народныхъ школъ: совсѣмъ не было учителей. Для приготовленія учителей въ народныя школы Ушинскій предлагалъ открывать учительскія семинаріи.

Затѣмъ онъ ожидалъ практической и теоретической разработки вопросовъ, касающихся народной школы, идея которой слегка только была затронута въ нашей литературѣ, но мало разработана въ ней. Между тѣмъ эта идея „по важности, многосторонности и жизненности ея... для своего уясненія требуетъ самыхъ разностороннихъ мнѣній, выходящихъ изъ самыхъ разнообразныхъ сферъ общества и, по крайней мѣрѣ, не менѣе живого сочувствія, какъ и самый крестьянскій вопросъ"... „По нашему мнѣнію—пишетъ Ушинскій—нѣтъ теперь вопросовъ современнѣе и важнѣе, какъ вопросы о томъ: чѣмъ должны быть русскія народныя школы? Какъ и гдѣ ихъ устроить? Что и какъ въ нихъ преподавать? Гдѣ взять для нихъ учителей? Каковы

должны быть эти учителя? Въ какомъ отношеніи должны находиться народныя школы съ одной стороны къ обществу, съ другой къ общей учебной администраціи? и т. д.“

Данная статейка Ушинскаго можетъ служить прекраснымъ примѣромъ, что и вопросы народнаго образованія онъ рѣшалъ также легко, основательно и глубоко, какъ и другія педагогическія задачи. Прямая и ясная постановка вопроса объ обязательномъ обученіи дѣлаетъ ему большую честь какъ педагогу и общественному дѣятелю. И въ его время, и позднѣе находились очень почтенные педагоги, которые не сознавали необходимости и важности обязательнаго обученія. Скорый горячій отзывъ на „Положеніе 19-го февраля“ съ выясненіемъ необходимости и значенія народной школы для Россіи, переходящей изъ рабскаго состоянія въ свободное, съ выраженіемъ глубокихъ и вѣрныхъ взглядовъ на пути и основы реформы,—этотъ отзывъ показываетъ въ Ушинскомъ человѣка съ сильнымъ и дѣятельнымъ гражданскимъ чувствомъ.

Одна изъ темныхъ сторонъ германскаго воспитанія. (Статья, напечанная въ газетѣ „Голосъ“ 1865 года, № 63. Выщла и отдѣльной брошюркой: 20 страницъ мелкаго формата, съ цензурнымъ дозволеніемъ отъ 4-го марта 1865 года и съ подписью: *К. Ушинскій*. Мы пользовались экземпляромъ Библіотеки Императорской Академіи Наукъ).

Особыя обстоятельства содѣйствовали тому, что эта статья Ушинскаго появилась въ печати и подписана его именемъ (мы сообщали уже выше, что покойный педагогъ писалъ въ „Голосѣ“ статьи, не подписывая своей фамиліи). Въ сноскѣ, сдѣланной въ концѣ статейки, они подробно разсказаны самимъ Ушинскимъ: „Эта замѣтка моя о недостаткахъ женскаго воспитанія въ Германіи была почти въ такой же формѣ высказана мною въ санкт-петербургскомъ педагогическомъ собраніи и вызвала очень скоро самую рѣзкую реплику со стороны «С.-Петербургскихъ Нѣмецкихъ Вѣдомостей». Тамъ какой-то безъименный фёльетонистъ... самъ небывшій въ собраніи и незнающій даже его состава, человѣкъ, повидимому, столько же чуждый русской, сколько и нѣмецкой педагогикѣ, приходитъ въ сильнѣйшее негодованіе по одному только слуху, что *кто-то* и *гдѣ-то* осмѣлился находить *какіе-то* недостатки въ нѣмецкомъ женскомъ образованіи: въ двухъ нумерахъ газеты онъ, какъ истый нѣмецкій рыцарь, борзо ломаетъ копье за честь нѣмецкихъ женщинъ, на которую мы и не думали нападать, и кстати уже осыпаетъ упреками русскихъ матерей и женъ, высказывая, что онѣ не умѣютъ приготовлять добрыхъ граж-

данъ отечеству... Я послалъ отвѣтъ въ эту газету, гдѣ возстановлялъ истину, но *редакція отказалась помѣстить его*". Вотъ почему Ушинскій и напечаталъ статейку съ своимъ именемъ въ „Голосѣ". Самый же *отвѣтъ* на фельетонъ „Нѣмецкихъ Вѣдомостей" можетъ оказаться, хотя бы въ черновикѣ, въ бумагахъ Ушинскаго. Полемическія статьи его, во всякомъ случаѣ, очень интересны, какъ по основательности и талантливости изложенія, такъ и по сдержанности тона. Самая же статейка, вызвавшая полемику, смѣло можетъ быть названа одной изъ самыхъ прелестныхъ работъ Ушинскаго.

Характеристика нѣмецкаго женскаго образованія дается имъ на основаніи личныхъ наблюденій и тщательнаго критическаго изученія сочиненій нѣмецкихъ педагоговъ. Основатель серьезнаго и гуманнаго женскаго образованія въ Россіи, Ушинскій умѣлъ держаться на высотѣ идеальныхъ и строго раціональныхъ требованій и въ оцѣнкѣ образованія нѣмецкой женщины.

Въ нѣмецкомъ женскомъ образованіи нашъ педагогъ находилъ два направленія. Одно изъ нихъ мѣстное, старинное, чисто нѣмецкое, основанное на взглядѣ на женщину, какъ на хозяйку дома. Это направленіе онъ называетъ *нѣмецко-хозяйственнымъ*. Другое направленіе воспитанія, проникшее изъ Франціи и основанное на взглядѣ на женщину, какъ на предметъ любви, увлеченія, поклоненія, характеризуется названіемъ *французско-галантерейное*. Первое направленіе стремится къ тому, чтобы приготовить въ женщинѣ добрую христіанку, добрую жену, добрую мать, умную и бережливую хозяйку. Это стремленіе не указываетъ еще, по мнѣнію Ушинскаго, прочныхъ основъ для задачъ и способовъ воспитанія. Опредѣлительной оказывается только цѣль приготовленія хорошей хозяйки, между тѣмъ какъ „понятія доброй христіанки, доброй жены и доброй матери" являются очень условными. „Они измѣняются не только съ вѣкомъ и со степенью общей цивилизаціи народа, но очень разнообразны въ различныхъ слояхъ общества, и даже въ разныхъ семействахъ" (6 стр.). *Французское* воспитаніе, вышедшее изъ монастырско-придворныхъ институтовъ, проникло въ Германію въ XVIII столѣтіи сначала въ высшій классъ общества, а потомъ и въ средній. Въ то время, когда писалъ Ушинскій, оно еще „во всей своей чистотѣ" хранилось въ монастырскихъ институтахъ католической Германіи и въ нѣкоторыхъ свѣтскихъ аристократическихъ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Это воспитаніе, не отрекаясь отъ идеаловъ хорошей жены, матери и христіанки, настойчиво стремится сдѣлать женщину возможно болѣе при-

влекательною, приготовить ее не для хозяйственныхъ, а для парадныхъ комнатъ.

Сообразно съ указанными направленіями ведется и обученіе дѣвицъ. Въ одномъ случаѣ имъ даютъ элементарное, болѣе или менѣе механическое образованіе, не расширяющее умственныхъ горизонтовъ и запросовъ, и учатъ шитью и рукодѣлью. Въ другомъ—имъ сообщаютъ модныя знанія, какъ французскій языкъ, и учатъ изящнымъ занятіямъ: декламаціи, рисованію, пѣнію, танцамъ. Темной стороной германскаго воспитанія, такимъ образомъ, во времена Ушинскаго было ограниченное образованіе женщины, не расширяющее ея умственнаго кругозора. Это, впрочемъ, было въ обоихъ характерныхъ направленіяхъ воспитанія. Отдѣльно же—нѣмецкое образованіе давало знанія, не имѣющія образовательнаго значенія, а французское характеризовалось пріобрѣтеніемъ знаній и навыковъ, „отличающихся своей безполезностью“.

Причину такого невысокаго положенія женскаго образованія Ушинскій видѣлъ въ господствѣ традиціонныхъ нѣмецкихъ взглядовъ на воспитаніе женщины. Надъ этими житейскими не идеальными и непросвѣщенными воззрѣніями на женщину не умѣли возвыситься и передовые германскіе педагоги. Разбирая мнѣнія о женскомъ воспитаніи „самаго новаго, самаго либеральнаго и глубокаго изъ нѣмецкихъ педагоговъ — Карла Шмидта, заслужившаго общую извѣстность своею исторіею педагогики“, Ушинскій остается ими очень мало удовлетворенъ и подвергаетъ ихъ остроумной и суровой критикѣ.

„Желая уловить—говоритъ Ушинскій—отличительную черту женскаго воспитанія, Карлъ Шмидтъ обращается сначала къ физіологическому, а потомъ къ психологическому различію половъ, съ тѣмъ, чтобы оттуда вывести основу для различія направленія въ образованіи мужчины и женщины“. Стоя на такой совершенно правильной точкѣ зрѣнія, Шмидтъ однако дѣлаетъ очень много странныхъ сужденій и выводовъ, которые сводятся къ тому, чтобы опредѣлить женщинѣ низшее, служебное положеніе въ семейной и общественной жизни. Въ заключеніе своихъ сужденій Шмидтъ даетъ формулу: „*Существо мужчины основано на самостоятельности, существо женщины на зависимости*“.

Ушинскій указываетъ, что эта формула, а съ нею и тѣ преимущества, которыя утверждаетъ Шмидтъ за образованіемъ мужчины, не вяжется съ его разсужденіями о физическихъ и духовныхъ особенностяхъ женщины и не доказывается тѣми фактами, на которые ссылается нѣмецкій педагогъ. „К. Шмидтъ указываетъ на остовъ муж-

чины и женщины, и находитъ въ мужскомъ остовѣ: широкую кость, угловатость, жесткость, широкія плеча и широкую грудь, а у женщины наоборотъ: нѣжность, тонкость, узкія плеча и узкую грудь, и выводитъ изъ этого опять-таки то же: „что мужчина предназначенъ для самостоятельности и силы, а женщина для того, чтобъ подчиняться и приноравляться". „Не правда ли—возражаетъ Ушинскій—было бы хорошо, еслибъ и между мужчинами стали, по широтѣ плечъ и угловатости костей, отыскивать предназначеніе быть человѣкомъ самостоятельнымъ или подчиненнымъ"?

„Не говоря уже о томъ, откуда К. Шмидтъ беретъ подобные физіологическіе факты: «что у женщины господствуютъ жидкія части надъ твердыми, а у мужчины твердыя надъ жидкими», также не могу понять — пишетъ Ушинскій — какъ выйдетъ предназначеніе женщины не быть самостоятельною личностью изъ того, что «мозгъ женщины абсолютно меньше и легче, а въ отношеніи тѣла больше, чѣмъ мозгъ мужчины»? Изъ этого скорѣе можно вывести наоборотъ, что женщина предназначена быть умнѣе мужчины, потому что если брать абсолютное количество мозга, то какой-нибудь носорогъ долженъ быть несравненно умнѣе самаго геніальнаго человѣка".

„К. Шмидтъ выводитъ слѣдующія гигіеническія и педагогическія правила: «Мужчинѣ нужна сильная, женщинѣ нѣжная пища, мужчинѣ преимущество животная, женщинѣ растительная и т. д."

Ушинскій указываетъ, что Шмидтъ, разсуждая такимъ образомъ, не хочетъ воспользоваться однимъ изъ самыхъ важныхъ положеній нѣмецкой науки, доказавшей рѣшительное вліяніе пищи на развитіе организма и способность производить въ немъ сильныя измѣненія посредствомъ питанія. „Разсуждая такъ — говоритъ нашъ педагогъ — весьма послѣдовательно будетъ дать и слѣдующее наставленіе: „у этого мальчика кости тонкія, грудь узкая, лобъ завалился — не давайте ему крѣпительной пищи, не укрѣпляйте его гимнастикой, не развивайте въ немъ воли и мышленія, сдѣлайте его существомъ зависимымъ, которое набивало бы трубку и чистило бы сапоги хорошо развитой натурѣ" (стр. 11).

Какъ слѣдствіе такихъ взглядовъ, являлся отказъ нѣмецкой дѣвушкѣ въ широкомъ и основательномъ образованіи. По Шмидту съ 14 лѣтъ образованіе женщины уже прекращается. Ушинскій съ грустью отмѣчаетъ, что „и періодъ юношескаго воспитанія и ученья, и періодъ науки чужды женщинѣ". Въ раннемъ возрастѣ она навсегда разстается со школой и пристраивается къ кухнѣ, къ дѣтской, къ

постели больного. Но „если въ программу ученья дѣвушки не вошли и не могутъ войти, по малолѣтству ученицъ, ни физика съ опытами, ни химія съ элементами, ни физіологія, ни психологія, ни гигіена, ни педагогика, то что же остается дѣлать женщинѣ при постели больного и въ воспитательной комнатѣ? Стирать пеленки и перетирать разныя стклянки и различныя посудины". Въ сужденіяхъ, опредѣляющихъ кругъ женской дѣятельности хозяйственными занятіями, нашъ покойный педагогъ видитъ: „самымъ циническимъ образомъ выраженное желаніе приготовить въ женщинѣ думающій, хозяйственный прессъ для выжимки всего, что можно выжать изъ всякихъ тряпокъ, вареныхъ костей, кофейной гущи, гнилой картофели, чтобъ ничто въ хозяйствѣ даромъ не пропадало" (стр. 16).

Въ данной статейкѣ Ушинскій выступалъ горячимъ защитникомъ права женщины на образованіе и въ особенности вступался за нѣмецкую женщину: „Даже французская женщина — пишетъ онъ — не говоря уже объ англичанкѣ и американкѣ, по выходѣ изъ школы, по большой части плохой, поставлена обычаями народа въ болѣе благопріятныя условія для своего самостоятельнаго развитія, чѣмъ женщина нѣмецкая. Нѣмецъ наглухо заперъ для женщины и свои университеты, и свои ученыя собранія, почти также заперъ и свои книги, написанныя по большой части языкомъ, который трудно понимается безъ долгаго школьнаго подготовленія".

„Мы не обвиняемъ практику—говоритъ Ушинскій—и потому уже, что она вездѣ слагается полусознательно; но не можемъ не обвинить философа и педагога, который своею наукою поддерживаетъ такую практику, основанную на безсмысленныхъ предразсудкахъ, на грубомъ себялюбіи мужчины, на его узкомъ, эгоистическомъ пониманіи истиннаго достоинства женщины. И куда такъ спѣшитъ философъ-педагогъ съ этою несчастною женщиною? Зачѣмъ такъ торопится бросить ее полуребенкомъ, дѣвочкой, въ практическую жизнь и поскорѣе навалить на нее обязанности, которыя помѣшаютъ ей подумать о развитіи своей собственной головы и своего сердца? Нѣтъ ли тутъ уже сознательнаго разсчета на то, чтобъ отдать во власть мужчины такое не сформировавшееся существо, съ тою цѣлью, чтобъ всякій мужъ сдѣлалъ изъ него то, что ему нужно". Ушинскій думаетъ, что „это даже плохой разсчетъ для самого мужчины, если только онъ не имѣетъ выгоды быть непонятымъ и не боится сойтись съ установившимся характеромъ и развитымъ сознаніемъ" (стр. 17).

Въ примѣръ европейской и нѣмецкой женщинѣ Ушинскій ставитъ

дѣвушку Сѣверной Америки, которая поздно выходитъ замужъ, учится, если есть охота, много и чему хочетъ, пользуется до замужества полной свободой и вноситъ въ свою семью развитой характеръ и сложившееся міровоззрѣніе. „По общему признанію—говоритъ онъ—нѣтъ женъ и матерей лучше, нравственнѣе, заботливѣе о семьѣ“. Онѣ не предаются свѣтскимъ удовольствіямъ и сознательною рукою создаютъ въ своемъ домѣ атмосферу уютной, счастливой жизни.

Ушинскій желалъ, чтобы женское образованіе переходило далеко за предѣлы элементарности не только какъ просвѣщенный человѣкъ, но и какъ педагогъ. Въ его воспитательный планъ входило, чтобы дѣти въ первомъ возрастѣ получали образованіе у себя дома. Семья—первая школа, мать—первая учительница. Вотъ его основной взглядъ на первоначальное образованіе. Въ тотъ періодъ перехода изъ дѣтства въ отрочество, когда нѣмецкое женское образованіе оканчивается,—по Ушинскому, оно должно только серьезно начинаться, потому что наступила пора „вполнѣ сознаннаго и сочувственнаго ученья“. Это ученье должно содѣйствовать, вмѣстѣ съ общимъ образованіемъ, развитію въ дѣвушкѣ воспитательныхъ и учебныхъ стремленій, которыя столь свойственны женщинѣ. Ту дѣвушку нужно считать подготовленной къ жизни, которая получила основательное законченное образованіе и вынесла изъ школы стремленіе учиться и учить.

Необходимость ремесленныхъ школъ въ столицахъ (Напечатана, съ подписью Ушинскаго, въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1868 года, № 103).

Статья эта увлекательна не только сущностью содержанія и прекраснымъ изложеніемъ, но также горячимъ чувствомъ любви къ дѣтямъ, подъ вліяніемъ котораго она написана. „Кому не попадались—начинаетъ Ушинскій—на петербургскихъ улицахъ тѣ, бо́льшею частью блѣдные, худые, перепачканные мальчуганы, которыхъ народъ прозвалъ *халатниками*, вѣроятно потому, что синій полосатый халатъ, одинъ и тотъ же лѣтомъ и зимою, составлялъ почти весь ихъ костюмъ, дополняемый слабыми признаками рубахи и парою поношенныхъ калошъ на босу ногу... Мальчуганы эти обыкновенно бѣгутъ во всю прыть, то съ утюгомъ въ рукахъ, то съ колесомъ или рессорой на плечѣ, то съ парой сапогъ и тому подобными несомнѣнными признаками ихъ будущаго призванія. Но нерѣдко попадаются они также и со штофомъ, бутылкою или даже бутылью прозрачной влаги, только что взятой въ кабакѣ, съ солеными огурцами въ грязной бумагѣ, съ разбитымъ носомъ, съ глазами, обведенными темною синевою, и другими

столь же несомнѣнными признаками ихъ будущей нравственности и ихъ будущаго здоровья". Указывая на тяжелую жизнь этихъ несчастныхъ дѣтей среди побоевъ, холода и голода, разврата, заражающаго ихъ нѣжныя душу и тѣло, Ушинскій указываетъ, какъ на средство ихъ спасенія, на открытіе ремесленныхъ школъ. Городское управленіе С.-Петербурга, по мнѣнію Ушинскаго, должно считать это одной изъ своихъ задачъ. Подобныя заботы—есть простое предупрежденіе преступленій. Деньги, истраченныя на ремесленныя школы, послужатъ къ сокращенію расходовъ на больницы и мѣста заключенія. Дѣти, за свое даровое ученье у ремесленниковъ, даютъ страшное вознагражденіе: расплачиваются развращеніемъ невинной дѣтской души и здоровьемъ. Безплатная ремесленная школа должна научить ребенка шить сапоги или дѣлать замки, не разрушая его дѣтства, не портя его нравственности. Конечно, такія заботы встрѣтятъ несочувствіе со стороны эксплуататоровъ-ремесленниковъ и содержателей мастерскихъ, находящихъ въ дѣтяхъ-ученикахъ даровую прислугу, съ которой расплачиваются кускомъ черствaго хлѣба, изодраннымъ халатомъ и потасовкой, но и они могли бы разсчитать, что выгоднѣе имѣть дѣло съ честными, не испорченными и искусными мастерами.

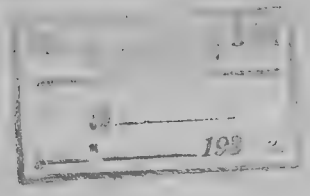
Цѣль ремесленныхъ школъ „такъ благотворительна, и чувствуется въ нихъ такая нравственная и экономическая потребность", что и общественная благотворительность, по мнѣнію Ушинскаго, охотно пришла бы на помощь городу въ его заботахъ объ образованіи дѣтей-ремесленниковъ. „Помимо филантропической цѣли" нашъ педагогъ указывалъ здѣсь и патріотическую сторону. Ремесленное образованіе дастъ намъ хорошихъ мастеровъ и хозяевъ *изъ русскихъ*, и къ намъ не будутъ пріѣзжать наживаться иностранные „эксплуататоры нашихъ замѣчательныхъ дарованій и нашихъ слабыхъ характеровъ".

Мы изложили все существенное, что есть въ данныхъ статьяхъ Ушинскаго, часто прибѣгали къ выдержкамъ изъ этихъ статей, чтобы представить нѣкоторыя лучшія мѣста изъ автора не охлажденными, не обезцвѣченными спокойнымъ, простымъ короткимъ пересказомъ. И въ этомъ пересказѣ мы нерѣдко держались близко къ подлинной изобразительной рѣчи нашего педагога. Вообще мы старались дать понятіе не только о содержаніи, но и о стилѣ скрытыхъ въ столичныхъ книгохранилищахъ статей Ушинскаго. Конечно, наша статья не замѣнитъ читателю подлинника, но мы надѣемся, что по ней можно все-таки составить понятіе, какъ этотъ подлинникъ интересенъ по содержанію и прекрасенъ по изложенію. Будучи привле-

чены и тѣмъ, и другимъ, мы увлекались и часто не думали о возможно бо́льшихъ сокращеніяхъ излагаемыхъ статей. Не рѣшимся въ этомъ раскаиваться: по нашему мнѣнію, передавать однѣ отвлеченныя мысли Ушинскаго—не значитъ еще знакомить съ нимъ читателя. Мы имѣемъ дѣло съ авторомъ, который обладалъ дарованіемъ выражать свои мысли въ художественной занимательной формѣ. Выработанная форма изложенія дѣлала и самыя мысли болѣе наглядными, яркими и убѣдительными.

На тѣ или другія стороны содержанія разсматриваемыхъ статей Ушинскаго мы старались обратить вниманіе при каждой отдѣльной статьѣ. Что касается до всѣхъ ихъ вмѣстѣ, то нельзя не замѣтить, что никакая статья, изъ приведенныхъ нами, не можетъ быть замѣнена другой, напечатанной въ сочиненіяхъ Ушинскаго. Значитъ, кому интересна и полезна эта недавно вышедшая книга, тому не менѣе интересны и полезны не взятыя для нея статьи. Касаясь еще ближе ихъ содержанія, мы не можемъ не порадоваться тому, что узнаёмъ у Ушинскаго двѣ, можно сказать, новыя замѣчательныя статьи о народномъ образованіи, статью о женскомъ образованіи и статью объ обученіи ремесламъ,—всѣ статьи по вопросамъ въ высшей степени важнымъ. Авторитетнаго мнѣнія Ушинскаго по этимъ вопросамъ мы вовсе не знали или мало знали. Теперь, познакомившись съ этимъ мнѣніемъ, мы можемъ лучше уяснить себѣ не только самые вопросы, но и личность Ушинскаго. Напримѣръ, статья о народномъ образованіи, написанная тотчасъ за манифестомъ объ освобожденіи крестьянъ, показываетъ намъ въ немъ горячаго сторонника реформъ 60-хъ годовъ. Статья о женскомъ образованіи свидѣтельствуетъ столько же о справедливости и безпристрастіи взглядовъ Ушинскаго, сколько о его сочувствіи къ прогрессивному рѣшенію женскаго вопроса и желаніи содѣйствовать улучшенію положенія женщины въ школьной и общественной жизни.

В. Чернышевъ.



Другія книги В. Чернышева:

Краткія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ говорахъ Дмитровскаго, Богородскаго и Егорьевскаго уѣздовъ. Ц. 30 к.

Дополненія къ свѣдѣніямъ о говорѣ г. Мещовска. Ц. 50 к.

Свѣдѣнія о говорахъ Юрьевскаго, Суздальскаго и Владимирскаго уѣздовъ. Ц. 40 к.

Матеріалы для изученія говоровъ и быта Мещовскаго уѣзда. Пѣсни, сказки, разсказы, загадки. Въ приложеніи: Письмо академика О. Е. Корша объ ударѣніи въ русскихъ пѣсняхъ и стихахъ. Ц. 1 р. 50 к.

Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ говорахъ Тверского, Клинскаго и Московскаго уѣздовъ. Въ приложеніи: Пѣсни, записанныя въ Клинскомъ и Московскомъ уѣздахъ. Замѣтки о народныхъ пѣсняхъ: Гдѣ сложена народная пѣсня? Народныя и ненародныя пѣсни. Ц. 1 р.

Иногородніе, выписывающіе книги В. Чернышева непосредственно отъ автора, пользуются безплатной пересылкой и скидкой въ 10%. Мелкія суммы (до 2-хъ рублей) можно высылать сберегательными или почтовыми марками.

Съ наложеннымъ платежомъ на 15 коп. дороже.

Адресъ автора: **С.-Петербургъ, Васильевскій Островъ, 12 линія, домъ № 31/а, кварт. № 63.**

Другія книги В. Чернышева:

Сборникъ статей для письменнаго и устнаго изложенія. Пособіе для самостоятельныхъ работъ и книга для чтенія и упражненія въ разсказѣ. Для низшихъ учебныхъ заведеній и младшихъ классовъ среднихъ. 75 к.

Ученымъ Комитетомъ Мин. Народн. Просв. ***допущена*** *въ качествѣ учебнаго пособія для приготовительныхъ и первыхъ двухъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для городскихъ училищъ. (См. Журналъ Мин. Нар. Пр. 1904 года, августъ и октябрь).*

Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній ***рекомендована*** *въ фундаментальныя библіотеки кадетскихъ корпусовъ. (См. Педагогическій Сборникъ 1905 года, іюль).*

Гоненія на христіанъ въ Римской Имперіи. Общедоступные историческіе разсказы. 50 к.

Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. ***допущена*** *въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, учительскія библіотеки низшихъ и ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній. (См. Журн. Мин. Нар. Пр. 1905 года, декабрь).*

Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній ***рекомендована*** *для чтенія кадетъ 3, 4 и 5 классовъ. (Сообщеніе отъ 10 ноября 1905 года за № 24992).*

Упрощеніе русскаго правописанія. I. Современное состояніе русскаго правописанія. II. Историческій очеркъ вопроса объ упрощеніи правописанія. 40 к.

Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. ***допущена*** *въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній. (См. Журн. Мин. Нар. Пр. 1905 года, ноябрь).*

Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній ***рекомендована*** *въ фундаментальныя библіотеки. (См. Педагогическій Сборникъ 1905 года, октябрь).*

Законы и правила русскаго произношенія. Опытъ руководства для преподавателей, чтецовъ и артистовъ. 30 к.

О программѣ будущей народной школы. 10 к.

Русское дѣтское чтеніе. Народныя пѣсни и сказки, выбранныя и обработанныя для дѣтей младшаго возраста. *Съ 13 раскрашенными рисунками.* 60 к.

Продаются во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга: **Башмаковыхъ, Вольфа, Думнова, Карбасникова, Цукермана, Суворина,** въ складѣ **М. В. Пирожкова** и др.